

**Клуб
Красная площадь**

Александр Иванович Неклесса

**Материалы к заседанию клуба «Красная площадь»
14 октября 2005 г.**

**Тема заседания:
«Постиндустриальный класс»**

**Москва
2005**

**АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ
НЕКЛЕССА**

**МАТЕРИАЛЫ К ЗАСЕДАНИЮ КЛУБА «КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ»
14 ОКТЯБРЯ 2005 г.**

**ТЕМА ЗАСЕДАНИЯ:
«ПОСТИНДУСТРИАЛЬНЫЙ
КЛАСС»**

**МОСКВА
2005**

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Новый интеллектуальный класс</i>	3
<i>Локомотив Постмодерна, или «Территория тьмы»</i>	27
<i>История в (пост)современном интерьере</i>	37

НОВЫЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ КЛАСС*

Лекция, прочитанная в клубе «Билингва» 3 марта 2005 г.

Господа! Мое выступление обозначено в программе как лекция. Но лекция, как известно из истории предмета, есть некий подготовленный текст, который читается в аудитории. В данном случае я чувствую смущение именно в связи с образовавшейся коллизией, поскольку написанного или продуманного заранее текста нет. Кроме того, мне кажется, в данной ситуации он, пожалуй, был бы излишним. Запись же, так или иначе, образуется потом.

Не буду лукавить — я не столько собираюсь читать вам *лекцию*, сколько надеюсь прочертить некую *лоцию*, выстроив смысловой коридор, чтобы реализовать свободный полет мысли к некоторой цели. Причем маршрут интеллектуального путешествия, его топос, стоянки мне до конца не известны: ведь продвигаться мы будем в том зыбком пространстве нереализованной практики, которое располагается между настоящим и будущим. В привычных структурах повседневности нам придется опознавать признаки совершающихся или еще только предстоящих перемен, сводить воедино отблески социальной перспективы, очерчивая пунктиром целостный образ земли за горизонтом. Именно здесь, на кромке мира изведанного и иноположенного, мы, подобно Сане Григорьеву, возможно, сумеем отыскать свою шхуну «Мария», хотя одно упоминание данного сюжета в наши дни несет в себе определенные обертоны...

Подобная постановка темы, кроме того, оставляет свободу заглядывать и за обозначенные ею пределы.

«Новый интеллектуальный класс» — понятие емкое, провокативное, если угодно, в чем-то энигматичное. Имеющее не только долгую историю, но и многомерную перспективу. Именно о социальной перспективе было бы желательно повести разговор в связке с размышлениями о странной природе людей «четвертого сословия», их содружествах, конкуренциях, коалициях. Хотелось бы лучше понять враждебную прежнему порядку вещей идеократическую и технократическую страту, постепенно заселяющую разгосударственную землю и транснациональный космос. И ту особую роль, которую ей еще предстоит сыграть в грядущем акте мировой истории.

Речь, таким образом, пойдет у нас о (пост)современных «гражданах неба» — когорте энергичной, искусной, амбициозной, претендующей на многое и уже обладающей здесь и сейчас немалым. Создающей параллельно прежним земле и небу собственный постиндустриальный и медийный, космос, предназначенный, однако же, не только для перемещения и перевоплощения информации. Новый интеллектуальный класс — я, кажется, успел назвать его четвертым сословием — группа весьма неоднородная, эклектичная, даже двусмысленная (вспомним знаменитое «предательство клерков»), а по сему требующая определенных усилий по историческому декодированию. Другими словами, нам понадобится толика социальной анатомии, как в отношении ее запутанного генезиса, так и, хотя амбициозных, но вместе с тем не вполне ясных перспектив.

Надеюсь, подобная динамичная «дорожная карта» разговора дает шанс обнаружить и понять нечто не вполне очевидное, но достаточно важное в том смещении строительных балок, рабочих чертежей и противоречивых концептов, которое представляет на сегодняшний день здание будущего. Тем более что время увенчания его шпилем, пока не наступило. Поэтому в течение вечера или, точнее, в рамках отведенного регламента я попытаюсь совершить несколько шагов за горизонт сложившегося образа повседневности, дежурных истолкований причин, субъектов и агентов трансформации.

Наконец, последнее: мера полноты и удачливости сегодняшнего предприятия в немалой степени будет зависеть от реакции зала, моей способности ее ощутить и правильно интерпретировать.

---

* Александр Иванович Неклесса — член бюро Научного Совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН, председатель Комиссии по социокультурным проблемам глобализации; заместитель генерального директора НП Институт экономических стратегий. 2005, А.И. Неклесса.

I

У траектории разговора — три опорные точки, первая из которых: *глобальная революция*. Глобальная революция на сегодняшний день достаточно затертый термин, ярлык, инициированный в свое время Первым докладом Римского клуба и успевший за прошедшие с 1991 года 14 лет обветшать, если не «пожелтеть», но, по-моему разумению, в своей взрывной сущности так до конца и не раскрытый.

Изменения, происходившие в обществе за эти годы, описывались преимущественно с сенсационной, феноменологической, либо напротив — спекулятивной, схематичной точки зрения и почти исключительно в конъюнктурном сравнении (и противопоставлении) прежней системе координат. Иначе говоря, внимание, как правило, фиксировалось на бросающихся в глаза признаках и отличиях новизны, а не на постижении ее внутренней, оригинальной природы. И не на оценке трансформационных перспектив общества — громадном социальном потенциале, который напрямую связан с динамикой ценностных ориентаций и мировоззренческих основ, а не просто с пестротой технических новинок и яркими модификациями стиля жизни.

Целостный образ Нового мира, архитектоника грядущего строя оставались, да и сейчас во многом остаются за горизонтом социального и философского постижения, развернутого аналитического прогноза. Что же касается опознания главного механизма творения истории — «темпераментной», тугой пружины перемен, лидирующего субъекта социального действия — подобные материи также оказались в значительной мере нерасшифрованными, скрытыми под флером разговоров о научно-технической революции, бессубъектном, «объективизированном» прогрессе, постиндустриализме и социальном постмодерне. Мы еще об этом поговорим, но, если позволите, чуть позже.

Вторая опора — инструмент, который хотелось бы непременно отметить: *новые системы управления*. И даже шире, нежели просто системы управления, — *иные социальные конструкции*, другие *организованности*. Как раз не организации — тем более не «учреждения» в современном понимании — а организованности, поскольку сам термин «организация» применительно к ним оказывается чересчур громоздким, не вполне уместным, неадекватным описанию динамичного (пост)современного объекта. Именно *инновационные гибкие организованности*, которые не представляют собой ни учреждения, ни организации в прежнем смысле этих понятий, являются поколением иной оргкультуры, тем, что я называю, в частности, «амбициозными корпорациями». Определяются подобные структуры также как «астероидные группы». К новым социальным организмам можно сегодня прилагать массу языковых новообразований — это открытое поле действия: простор для лексических набегов и театр семантических войн.

Наконец, третье основание траектории рассуждения прямо связано с темой *нового интеллектуального класса*, при этом речь идет не столько о предтечах и агентах (хотя и о них тоже), сколько о *субъектах*, созидателях и движителях социальных перемен. А также о глубинных мотивациях и интенциях происходящего глобального сдвига.

Тут я вновь вижу драматичную развилку. Первая заминка была связана с выбором между *лекцией* или *лоцией*, и я склонился в сторону последней. Иногда косвенным образом удастся сказать больше, нежели напрямую. В чем же причина очередной дилеммы? Пожалуй, в том, что энигматичную и пеструю в социальном отношении категорию *новый интеллектуальный класс* можно опознавать и описывать различным образом.

К примеру, исторически, т.е. как социальную страту, имеющую впечатляющий стаж и еще более древний, замысловатый пролог. Генезис настолько глубокий, что корни его с трудом могут быть прослежены под дремучей сенью времен, а обрезать их приходится разве что границами Большой Истории. Но вот в социо-антропологическом аспекте сюжет может быть растянут уже на иной манер: до предметной бесконечности «дробных мерностей Мандельбро» — иначе говоря, в любой, сколь угодно малой исторической ситуации мы вновь и вновь обнаруживаем представителей изучаемого семейства.

Позвольте небольшую маргиналию: в свое время меня поразил тот факт, что максимальное интеллектуальное усилие человек, его мозг делают где-то в двухлетнем возрасте, осваивая язык, — это пик персонального интеллектуального прорыва *homo sapiens*'а. Возможно нечто подобное можно обнаружить и в истории... Но это так, к слову.

Новый интеллектуальный класс — современное, деятельное и яркое племя, явившее миру калейдоскоп своих прозрений и миражей где-то на пороге 70-х годов прошлого века. (Оставим пока за скобкой прагматичную и гротескную тень его предтечи — джиласовский «новый класс», да и всю противоречивую тему «марксизма без пролетариата».) Эти энергии ворвались в мир, породив массу впечатляющих явлений — прежде всего в американской культуре — ряд «феноменов и трендов», которые и сегодня во многом определяют политический ландшафт не только США, но также Европы,

Евразии... Энергичная страта, если и не была до поры предметом бурных дискуссий (хотя, пожалуй, была: вспомним, к примеру, полемику, связанную с «революцией элит»), то время ее полноценного обсуждения, равно как и темы *глобальной социальной революции*, совершающейся на планете Земля, явно не за горами.

Именно о социальной, а не о постиндустриальной или информационной революции идет речь, о борьбе за ценности и архитектуру нового эона, о Революции с большой буквы, с грандиозными целями, оригинальными предметными полями, деятельными субъектами и агентами перемен.

II

Чтобы слово «революция» не осталось втуне и дабы придать выступлению конъюнктурный «трепет и драматизм», посвящу следующий пассаж воспоминаниям об одной дискуссии, т.е. приведу в контексте основного рассуждения в качестве примера некий, как сейчас принято говорить, «кейс».

Присутствуя недавно в этом же зале, я слушал лекцию весьма известного политтехнолога, записав некоторые высказанные им мысли. И теперь прежде чем рассуждать о глобальной революции, о новых системах управления и, главное, о тех страных субъектах, которые инициируют перемены, хотелось бы сказать несколько слов еще об одном универсальном феномене: об *оппозиции революции*. О взаимоотношениях прямого действия и социальной косности, нередко мимикрирующей под стабильность, о контрреволюции и ползучих реформациях политического курса. А также о праве человека и организаций на деятельную и революционную позицию.

Жизнь есть перманентное преодоление немощи естества и борьба человека с поглощением его души «животным идеалом». Революция возвращает первородство, очищает корпус корабля истории от оледенения, а дно — от ракушек. Но и сопротивление переменам, и целенаправленное уничтожение новаторов — не менее древняя традиция, чем усилия по трансценденции сложившихся форм бытия или борьба за становление, воссоздание и обновление личности. Данный «тренд» можно проследить от ветхих сказаний о казнях первых изобретателей до тщательно продуманных *модификаций* героев антиутопий — этих зрячих в царстве слепых. В центре же человеческой истории закреплено древо, на котором был повешен величайший из них.

Вот публичная цитата из еще свежего в памяти рескрипта: *«Нельзя допустить в политику силы, сомневающиеся в том, полезна или не полезна революция»*. С подчеркнутым отрицательным знаком проносилась эта сентенция, ведь теперь даже школьник знает, что *«лимит на революции исчерпан»* и наступило — по крайней мере, продекларировано наступление времен стабильности, покоя и благодати. В общем, «мир и безопасность» (причем, эту максимумы мы где-то слышали). Или, в другом месте лекции и другими словами, но зато — прямым текстом «для тех, кто не понял»: *«те силы, которые считают, что революция полезна, не должны быть допущены в политику»*.

Это было первое «мыслительное животное», которое вызвало у меня шевеление в бровях и некоторую контролируруемую эмоцию. Тут я зафиксировал высказанную мысль. Оказалось не напрасно. Другая, вскоре последовавшая сентенция, которую я также прилежно записал, гласила следующее: *«Оппозиционная среда имеет сегодня возможности, ресурсы и время для того, чтобы провести люстрацию себя самой. Пока этого нет, власть не имеет права допускать непредсказуемых участников к какому бы то ни было влиянию в государственных делах. А при попытке прорваться в него обязана применить силу»*. (Вы бы видели, что весьма выборочно подчеркнул в этих фразах мой автоматический редактор при чтении данной цитаты!)

Стуруа, присутствовавший на том действе, суммировал высказанную позицию достаточно афористичным образом: *«то есть власть обязана пресекать всякие попытки прорваться к власти»*. Особой дискуссии по этому поводу, правда, не получилась, разговор пошел скорее по линии «кто и что делал в 17-ом, до и после»...

Но вернемся к речи докладчика, буквально для заключительного *fortissimo*. Вот оно: *«Власть менее способна к стратегической инициативе, чем оппозиция»*. Для меня это было своего рода *crescendo* — честное завершение логического круга рассуждения. Хотя реально черта была подведена чуть позже уже откровенно постдемократической мыслью: *«После того, как государство учреждено, говорить о народе означает переходить в какое-то другое пространство, сказочное, мифологическое»*. Вот такая «симпатичная» фраза, чем-то напоминающая архитектонику древнеегипетских пирамид, уж не скажу наверняка, принадлежит ли она докладчику или кому-то иному, ушедшему с годами в историческую тень, а в настоящий текст введена мною в качестве, скажем так, шутки. Истину же попробуйте угадать сами. Она, как говорится, «где-то рядом»...

Почему я привел сегодня эти цитаты? Думаю, *message* ясен. Дело в том, что в последнее время в России на слуху были три «петушиных» слова (год-то какой!).

Слово первое: *деприватизация* незаконно присвоенного имущества — ожидание чего никогда не уходило из социального подсознания, подспудно «варилось» и, наконец, под сполохами «померанчевой революции» начало вскипать и выходить на поверхность. Хотя я помню недолгий взлет темы еще в самом начале 2000-го года, когда о деприватизации примерно десяти российских объектов — тех самых, обретенных с использованием «специфической» технологии залоговых аукционов в обход закона о запрете на приватизацию стратегических объектов — заговорили не только в России. Но многозначительным образом также на страницах одного, весьма влиятельного зарубежного издания... Что заставило тогда задуматься, если не многих, то некоторых.

Второе слово, громогласно прозвучавшее на постсоветском пространстве, — *судебная ответственность за преступления, включая коррупцию*, причем, ответственность, распространяющаяся также на высших должностных лиц.

Наконец, третье слово... интересно, кстати, что произносилось оно также докладчиком, которого я цитировал, правда, в ином смысле... слово не просто острое, а чрезвычайно, чрезвычайно острое — *люстрация*.

Все три слова — *деприватизация* мошенническим образом присвоенного, реальная *ответственность за преступления*, совершенные в период нахождения у власти и *люстрация* — есть элементы политической борьбы, входившие в той или иной пропорции в ткань «бархатных революций», совершавшихся на рубеже 90-х годов в Центральной (тогда — Восточной) Европе. Но запрещенные к действию и оставленные лишь для вялого устного употребления (за исключением последнего, практически полностью исключенного из публичного оборота) на основной части постсоветского пространства.

В России постиндустриальный класс проиграл свой «Сталинград» — битву за будущее, и мы познали этот мир и российское общество не как социальную связанность людей, соотносящихся с постиндустриальным производством и бытием, но скорее как своего рода *Frankenstein Unbound* — как джиласовский новый класс, сбросивший сковывавшие тела идеологические путы. Правда, номенклатурный класс предстал поначалу в достаточно обновленной упаковке и окруженный сонмом новоявленных попутчиков. Архаизация проявилась потом.

III

В большинстве своем американские интеллектуалы были не слишком осведомлены о существовании книги Милована Джиласа «*Новый класс*». Переиздавалась она несколько раз, но преимущественно для Восточной Европы и России. Однако когда происходили события 60-70-х годов — то, что впоследствии было названо «*вступлением в фазу новой метаморфозы всей человеческой истории*», «*мировой революцией*», «*великим переломом*», причем названо такими авторитетами социального анализа, как Эммануил Валлерстайн, Збигнев Бржезинский, Рикардо Диес-Хохляйтнер (преемник Аурелио Печчеи на посту президента Римского клуба), — термин «новый класс» вновь выходит на поверхность. Но уже в ином качестве: хотя звучали слова о «буржуазной скорлупе», социальной революции, отчуждении человека, однако речь шла одновременно и о глобальной проблематике, об экологии и конвергенции, о новом мировом порядке... Таким образом происходило становление класса «глубоко враждебного прежнему порядку вещей».

Различными путями на протяжении XX века третье сословие уходило в прошлое. При этом вместе с культурой протестантизма отменялся и «старый, добрый веберовский капитализм». Сословие же новоявленных «странников и пришельцев» на протяжении столетия умножалось, организовывалось и утверждалось в правах, причем реализуя себя в достаточно различных версиях. Если Джилас рассматривал новый класс как сословие-узурпатора, отнимающего революционные и социальные права у пролетариата, и описывал его в категориях номенклатуры — расценивая последнюю как консервативное сословие — то американский новый класс скорее выводился из революции в сфере управления, т.е. из знаменитой «революции менеджеров», а также социо-культурной трансформации послевоенного ландшафта: очевидных перемен в ценностной иерархии общества.

Акции нового класса заметно взлетели в период вьетнамской войны, когда стали очевидными приход в мир иной культуры и ослабление скреп прежней ментальности, проявившиеся, в частности, в дефектности привычных методов воздействия на события. Влияние нового класса возрастало по мере взятия под контроль средств массовой информации и развлечений, развития спектра постиндустриальных технологий, в особенности информатики, транснационализации финансов, изменения норм поведения в студенческой среде и обществе в целом, образования инновационной генерации *young ambitious professionals* — яппи... Другими словами, влияние страты росло по мере увеличения числа людей, непосредственно занятых созданием, развитием и приватизацией предметных полей постиндустриального мира, держателей интеллектуальных и информационных активов, а впослед-

вии — операторов ресурсов финансовых, авторов высоких геоэкономических и геополитических технологий, творцов смыслопроводящих сетей Нового мира.

Позволю тут небольшую маргиналию. Как известно, науки социогуманитарные науками в полном смысле этого термина не являются. Именно поэтому, кстати, Нобель в свое время не оставил награду за данные дисциплины ума и знаний, включая, экономику, которая также является социогуманитарной дисциплиной, ибо ее предмет — одна из форм практики, т.е. общественных отношений. Так что, когда ежегодно в октябре СМИ сообщают о присуждении очередной нобелевской премии по экономике, знайте: вас немножко обманывают, Нобель такой премии не оставлял, а награда, о которой сообщается в новостях, учреждена одной национальной финансовой организацией. В позиции же самого Нобеля просматривается дух прошлых времен: отношение общества к социальным/гуманитарным знаниям. Но в меняющемся мире свершается не только социальная революция, происходит также переворот в структуре и иерархии эпистемы, в результате именно социогуманитарные коды становятся плотью, кровью, квинтэссенцией постиндустриальной революции.

Должен сказать, я не слишком люблю слова, начинающиеся с приставок «пост», «нео», «пара», «квази», «анти». Потому что, когда мы говорим «постиндустриальный мир», мы, в сущности, указуем пальцем куда-то в небо — что там за горизонтом: «пост-история», «пост-цивилизация» — что это такое? Здесь начинаются проблемы: с обоснований и определений. Раз уж мы говорим «пост-история», «пост-цивилизация», то следует объясниться, ибо мы рассуждаем о некоем особом состоянии общества и должны привести тому не только доказательства, но также сформулировать соответствующий категориальный аппарат. Кроме того, приходится признать (и показать), что у подобного состояния общества есть свои фундаментальные причины, свой могучий движитель.

Вот еще маргиналия, но уже иного, фантазийного рода. Я так понимаю, когда Маркс сидел с Энгельсом за большим обеденным столом, и Фридрих жаловался на сложности, которые он имел на своей английской фабрике, то Маркс вполне проникся проблемой пролетариата и поставил его в оппозицию к буржуазии как некоего могучего, деятельного, но и докучливого оппонента, источника всех свар, коллизий и опасений, высказывавшихся и обсуждавшихся за тем обеденным столом. Таков был повседневный фон, из житейских обстоятельств которого были сделаны далеко идущие выводы. Слишком далеко идущие.

Почему же слишком? Потому что не рабы сокрушили рабовладельческую Римскую империю, не крестьяне наследовали феодальному строю, и точно так же не пролетариат воспарит над капитализмом. Это хорошо поняли в XX веке разные люди: Антонио Грамши — гений XX века, в тюремной камере, а затем в тюремной больнице вынужденный изобретать собственный, оказавшийся весьма плодотворным, социальный язык. Франкфуртская школа — в лице многих, если, практически, не всех своих видных представителей: Макса Хоркхаймера, Юргена Хабермаса, Вильгельма Райха, Теодора Адорно, Герберта Маркузе... То, что объединяло этих различных мыслителей, были размышления о гегемоне происходящих и грядущих перемен на основе идеи о *марксизме без пролетариата*. Ее-то они и развивали.

Ряд выводов и положений Маркса оказались перспективными, особенно знаменитый одиннадцатый тезис о Фейербахе — о переделке мира. Или, как выразил схожую идею в 60-е годы прошлого века австрийский астрофизик, один из отцов-основателей Римского клуба Эрих Янч, определив ее как *активное представление будущего*. Иными словами, действия по его организации — нормативный прогноз, проектирование будущего, его планирование, и составляют методологическое зерно марксизма, стремительно проросшее в XX веке и своими многочисленными соцветиями околдовавшее недюжинные умы. Долгое время профессорско-преподавательский состав факультетов общественных наук, практически, всей планеты находился под особым очарованием марксизма. Однако по мере нарастания в мире перемен все более актуальным становился вопрос: кто же является их таинственным инициатором, гегемоном и субъектом, чей наследуемый трон (пусть и на бумаге) столь долгое время занимал в качестве узурпатора сокращавшийся, словно шагреновая кожа, пролетариат?

И еще. Вебер объяснял — и его любили цитировать — что культурные истоки буржуазии коренятся в протестантизме. Где же в таком случае находятся истоки новой, неопознанной культуры, которая противостоит буржуазной, «веберовской» системе координат? И которой, судя по умножающимся признакам, удалось-таки переломить ход истории?

IV

Более того, по мере проникновения в содержание проблемы, обнаруживается, что между обозначенной ранее американской ситуацией и джиласовской точкой зрения на характер эпохи принципиального расхождения, в общем-то, и нет.

Милован Джилас рассуждал с негативными коннотациями о серьезной проблеме — существенном изъяне марксистской социологии, ибо обширной частью мира правила не буржуазия и не проле-

тариат, а некто третий. О чем-то подобном, впрочем, в разное время и разным языком — пожалуй, далеко не всегда осознавая глубинную суть собственных высказываний — говорили также Ленин и Сталин (с его знаменитым тезисом об «*ордене меченосцев*»), Муссолини и Гитлер. У них встречаются резкие, причем поразительно схожие выражения касательно *ломания буржуазии об колено* или, как выразился Гитлер: «*мы должны расколоть скорлупу буржуазного строя*». Не отставал и Муссолини, писавший о презрении к «*основе буржуазной жизни — эгоизму*». Есть и у Ленина высказывания, весьма современно звучащие: скажем, об установлении в мире «*нового общественного порядка*».

Общим местом была активная антибуржуазная позиция, и хотя практические выводы делались достаточно различные, их объединяла та или иная форма «партийно-номенклатурной», управленческой доминанты. Причем данная позиция обретала все более внятный горизонт для дальнейшей футуристической экспансии, ибо, повторюсь, реализовывалась она не только в литературных утопиях и антиутопиях — этих эскизах нового мира — но также в пришедших «весомо, грубо, зримо» формах общественной организации. Это была своего рода преадаптация к меняющейся среде и подготовка к становлению нового интеллектуального класса, как конъюнктурная мутация, совершаемая подручными средствами, порою достаточно грубым, нелепым образом, а порой просто как карикатура на складывающееся положение вещей. Историческая ситуация менялась, но ее гегемон был эклектичен, раздроблен, толком неопознан, и впереди у него маячил призрак «ректификационной процедуры», которую Антонио Грамши обозначил как культурно-моральную реформацию.

Во многом аналогичные тенденции развивались и в коммунистическом мире, и в мире корпоративном (тут я имею в виду, прежде всего, ту часть идеологии фашизма, которая обосновывает принципы построения корпоративного государства). Наконец, та же, по своей сути, антибуржуазная теза была провозглашена в ходе «революции менеджеров». А затем красочно и даже карнавально — выплеснулась в мир на волне «красного мая» в Париже и контркультурного движения в США. Движения, со временем сменившие пестрые, мозаичные одежды на иные обличья, введя в регистр *main-stream*'а свои существенные обертоны.

Управленческая элита, будучи далеко не однородной, тем не менее, постепенно выпестовала собственную формулу социального конфликта, в том числе — для себя самой. Да, управленец становился над владельцем и начинал «свою игру», владелец же нередко расплылся и превращался в слабое звено — кстати, не наблюдаем ли мы сейчас в России нечто подобное? Но социальная трансформация этим не заканчивается: над управленцем прежнего типа — администратором, руководителем-бюрократа — возникает тень из будущего: новый тип управленца. Это человек, предпочитающий уделять приоритетное внимание иным субстанциям: подчас не столько собственно производству, сколько сложным схемам движения финансов, информации, нематериальным активам, иначе говоря, особым формам капитала: не только производственному или денежному, но также (в возрастающей степени) интеллектуальному, символическому, социальному, культурному, человеческому.. Другими словами, данный индивид пребывает и действует в существенно иной, постиндустриальной, реальности, все более умело распоряжаясь ее активами.

Важным результатом освоения новых, не вполне материальных, либо вовсе нематериальных активов является размытие самого понятия/субстанции собственности, её фактическое переоформление из категории политико-экономической и, отчасти, юридической, в разряд реальности информационной, автомотивационной, и даже в определенном смысле игровой. Одновременно претерпевает существенную трансформацию весь комплекс реалий, связанных с прежней формулой рынка, в том числе возникает регуляция хозяйственных связей, основанная на иных принципах и преследующая иные цели

Усложняясь, процесс вместе с тем становится более целостным и внятным. Если прежде частный владелец управлял преимущественно производством, то затем на его месте оказался профессиональный менеджер, которому безразлично, что именно и каким образом производит предприятие. Его профессиональные интересы расположены под другим углом, а эффективность меряется иной мерой. К тому же новые управленцы в области политики, экономики, идеологии, все чаще осознают свое особое родство и синергию, систему связей, деятельно сводящую их в особый конгломерат прямых и косвенных взаимодействий (особенно на уровне высшего звена), творя чудо *классообразования*.

Чувствуя историческое превосходство над буржуазным миром и его обитателями, новая элита в какой-то момент неизбежно пытается сбросить ярмо прежнего порядка вещей. А затем, продолжая и развивая политику исторического компромисса (правда, на существенно меняющихся со временем условиях), решается, тем не менее, сойтись с прежними сюзеренами и партнерами в схватке за будущее, опираясь при этом на умножающиеся группы союзников по социальной коалиции. В ходе подобных пертурбаций неизбежно выявляются существенные различия между управленцами прежнего, номенклатурного типа и представителями нового класса, чьи мировоззрение, мироположение и образы будущего явно не совпадают.

Шаг за шагом «земная» и «небесная» власть переходит к представителям нового идеократического класса, производящего смыслы, нормы и оперирующего ими. Новый класс, попросту говоря, приватизирует власть, причем власть всякую, а не только экономическую или даже политическую, понимая ее как целостную категорию, занимаясь проектированием ментальных и социальных кодов действия, воплощая инновационные властные конструкции, предопределяя, в конечном счете, историческое целенаправление общества. Сегодня властвовать все чаще означает держать первенство в индустрии идейного и семантического производства: тот, кто лидирует в данной сфере, тот и властвует, притягивая союзников и влияя «черной ли, белой ли магией» на оппонентов. Здесь истоки непонятной иначе *внутренней* мощи «оранжевых» и иных «цветных» революций, безотносительно от *внешней* поддержки, которую в той или иной форме получают все стороны (хотя чаще речь идет о противостоянии «административным», «силовым», «финансовым» или иным ресурсам государства).

Итак, прежняя номенклатура и новые, более гибкие управленцы оказались двумя диалектически сопрягающимися, но и конкурирующими силами, которые, тем не менее, внутри Старого мира в несколько этапов обустроили собственное *пространство действия* или *контробщество* — плацдарм для глобальной трансформации мира. В конечном счете, в обществах будущего деятельно, хоть и не всегда материально, присутствуют революционеры мира настоящего. Также как наш мир наполнен делами и тенями деятелей и мыслителей прошлого...

Мощный катализатор дестабилизирует прежний порядок вещей, а энергии «глобальной демократической революции» облучают, трансформируют сейчас не только Большой Ближний Восток, Центральную Азию, Тихоокеанское кольцо, но также мир Североатлантический, включая Европу, и Евроазию, обесмысливая, развоплощая, *уничижая* многие прежние социоструктуры, сохраняемые в подмороженном виде до сего дня в ряде стран, включая Россию. Или, скажем, в Соединенных Штатах, где мы также наблюдаем отблески этого универсального конфликта, в том числе, скажем, в виде соперничества Демократической и Республиканской партий.

Тот же портной, который перекраивает Украину, а заодно другие части постсоветского пространства, прочерчивает мелком будущее США. Апофеозом социальной трансформации станет момент, когда «оранжевая революция» охватит и поглотит Америку, обратив осколки прежнего державного социума в своеобразный *Мир индиго*. Под определенным углом зрения и Хилари Клинтон может восприниматься как прототип «оранжевой леди Америки», но истинная революция произойдет лишь тогда, когда будет перерезана пуповина, связывающая в настоящее время мать и рожденное ею дитя: государство-интегрию США и транснациональный мир власти без государства.

Если же обернуться слегка назад и припомнить историю становления архипелага посткоммунистического мира, то возникает вопрос о специфике революций, прокатившихся на рубеже 90-х годов по странам Восточной Европы, и особенностях становления постсоветского пространства? Каскад «бархатных революций» произвел двойную трансформацию общества: сметены были не только прежние властители, но одновременно решился вопрос со значительной частью работников спецслужб и коммунистической номенклатуры, в том числе посредством люстрации. Здесь прошла грань, отделившая одну форму революции (восточноевропейскую) от другой (советской), предопределив и радикализм перемен, и полученный в результате *социальный импульс*. Что-то подобное мы, кажется, читали у Томаса Карлейля...

Но как можно было провести люстрацию в «посткоммунистической» России, когда во главе страны стоял бывший то ли кандидат, то ли член политбюро ЦК правившей партии, и он же — бывший секретарь областного (регионального) комитета КПСС? Поэтому, если «бархатные революции» в одной части постсоветского пространства прошли некоторый путь (в Балтии), то на других территориях они явно застопорились, лишь «подморозив» реалии, характерные для обрушившегося в историческое небытие СССР. В результате возник затянувшийся на годы и, вероятно, десятилетия вялотекущий смысловой и социальный конфликт...

И не то чтобы существенной препоной была, скажем, сама «стилистическая» природа прежнего строя, которая, правда, выйдя со временем на поверхность, в чем-то — словно нахлынувшее *dijā vu* — сохраняла, имитировала, клонировала, казалось бы, пройденные ступени истории. Хотя стилистика явление многозначительное — как знаковое обрамление, своего рода *татуировка*, как символический десигнат существующего порядка вещей. Особенно когда реконверсия прошлого происходит под фанфары радикальной смены социального регистра и политического контрапункта. Революция наших дней потому и глобальна, что обладает (хотя не всегда сама это осознает) собственным языком, вескими аргументами и амбициозными горизонтами. И одновременно — глубокими корнями, являясь сегментом телеологической и потому постоянно обновляемой конструкции.

Я колебался, с какой исторической меркой подходить к теме нового интеллектуального класса, «мыслящего сословия», да и сословности в целом: меритократия сейчас явно перекраивает прежнее понимание сословности, связывая статус не с происхождением, а с личными качествами.

Однако нить повествования можно тянуть не только от (пост)современности, но и с противоположной стороны исторической шкалы. Хотя бы шепотку этого исторического перца следует, наверное, вбросить в бульон разговора.

Такой концепт, как первое, второе, третье сословие зазубрен со времен школьных учебников почти как таблица умножения, хотя появился он лишь в десятом веке. В сущности, систему трехсословного общества создали на рубеже первого и второго тысячелетий христианского мира два епископа: Адальберон Ланский и Герард Камбрейский. Однако уже в первые века второго тысячелетия, в условиях ускорения социальной динамики разворачивается дискуссия о сословии четвертом. Кто же числился теоретиками тех времен в соответствующую страту? К ней относили ростовщиков, клоунов, лицедеев (представителей шоу-бизнеса, говоря современным языком) — другими словами людей, преступавших определенные сословные и традиционные запреты, «выходящих за рамки».

Удивительным образом данная схема уводит нас в еще более седую древность. Вспомним кастовую систему варн Древней Индии, точнее изначальную ее тетраматицу. Наверху — *брамины*; чуть ниже: правители-*раджи* (по крайней мере, в теории); затем следуют люди, связанные с материальным производством: купцы, крестьяне — *вайшьи*. Вот и привычная трехсословная система. Но в отличие от Европы в этой системе устойчиво, а не эскизно и дискусионно присутствовало также четвертое сословие — *шудры*.

Шудры нередко понимаются обыденным сознанием как «рабочие и крестьяне», т.е. «угнетаемый индийский пролетариат» своего времени. Вайшьи же, воспринимаемые как купцы и землевладельцы, в упрощенных схемах объединялись с раджами и браминами в единую социальную пирамиду, эксплуатирующую несчастных шудр. Однако исторические, а не мифические шудры — это не крестьяне, не «пролетариат». Скажем уж лучше так, «основной пролетариат» того времени — это вайшьи, т.е. крестьяне наряду с землевладельцами и купцами — другими словами, производители материальных ценностей и их операторы. А вот кто же такие шудры? Шудры — люди, которые на профессиональной основе оказывают услуги (в том числе развлекали, хлопотали по дому). В сущности, как ни парадоксально это прозвучит, шудры — люди постиндустриального общества, в том числе люди шоу-бизнеса, прислужники, танцоры, прочая челядь...

Древние индусы считали, что история движется от золотого века к Кали юге — веку железному. С определенным металлом ассоциировались и варны: шудры как раз соответствовали железу: им предстояло наследовать землю. Тут на ум приходит много параллелей, включая, скажем, «Труды и дни» Гесиода или видение пророка Даниила...

Если оторваться от слишком уж далеких времен, можно вспомнить период зарождения современной «городской цивилизации» — тот грандиозный перелом между вторым и третьим тысячелетием после Рождества Христова, когда в европейской Ойкумене, на территории *Universum Christianum* разворачивалась колоссальная социальная революция. У нее было несколько взаимосвязанных составляющих: «зеленая революция», т.е. рост производства продуктов питания в результате применения ряда инноваций; демографическая революция — значительный прирост населения Западной Европы; «кастелянская революция» (в раннем средневековье не было феодализма). И, наконец, начало городской революции — к тому времени в Западной Европе и городов-то в современном понимании почти не оставалось: так, «форумные площадки», где собирались небольшие городские общины во главе с епископом, а жизнь протекала преимущественно в сельской среде, «на виллах» (т.е. в деревнях).

Отзвуки тех времен сохранила для нас топонимика Западной Европы, где у ряда городов нередко встречается характерное окончание «виль». Общее же европейское пространство было скреплено единой религией и таким институтом как церковь и монашество, которые играли в раннем средневековье также совершенно особую роль хранителей социогенетического фонда будущей цивилизации: мировоззрения, текстов, навыков гуманитарного, да и не только гуманитарного знания. К примеру, основы практического образования в сфере «низких искусств»: агрокультуре, каменной кладке, искусстве определения времени, изготовлении различных механизмов и инструментов и т.п.

Но с какого-то момента городская среда начинает стремительно восстанавливаться: возникали новые и развивались прежние города, люди переселялись за городские стены, порой достаточно символические. Это были, однако, уже не прежние, преимущественно административные центры, которые знало древнее и восточное общества, а, скорее, преобразенный в новое качество (подчас города-коммуны) *portus* — в прошлом анклав, куда селили чужеземцев, и где происходила торговля. Города

нового типа становятся аккумуляторами материального и интеллектуального спроса/предложения, т.е. в них развивается денежная экономика, рынок соответствующих товаров и услуг. И одновременно — возникают потребности в сфере знаний и умений, которые уже не удовлетворялись прежней, монастырской и теологической системой образования. Востребованными оказались иные профессиональные и интеллектуальные компетенции.

Так возникает новая система образования, организованная по типу цеховой культуры. В современной образовательной системе мы видим ее многочисленные отголоски, к примеру, в иерархии: студент, бакалавр, магистр. Это те же: ученик, подмастерье, мастер. От орденской (тоже своего рода цеховой) структуры пришло понятие коллегии (колледж). От церковной — декан (дьякон). Кстати, преподаватели и являлись клириками, но клириками особыми (позже — клерками). Церковный люд, вообще-то говоря, сам готовил в свое время революционные модели общественного устройства, наиболее известными из которых были клюнийская реформа, движение «божьего мира», наконец, многочисленные еретические схемы организации социума... Мир бурлил.

Социальная трансформация приобретала порой острый политический и мировоззренческий (позже сказали бы — идеологический) характер. И упомянутые ранее Адальберон Ланский и Герард Камбрейский по-своему соучаствовали в создании предпосылок данных процессов и когда продвигали первое сословие (формулируя трехсословную схему человеческого общежития), и когда первый из них еще в начале карьеры содействовал усилиям своего дяди Адальберона Реймского по смене династии Каролингов (на Капетингов). В чем-то схожие интенции и коллизии проявлялись позже в борьбе гвельфов и гибеллинов, коммун и землевладельцев.

В начале второго тысячелетия в условиях социального кризиса и ломки прежнего мироустройства в Европе прорастали семена ползучей революции — совершалась трансформация прежней Ойкумены, породившая, в конечном счете, иной мир с другой системой политических взаимоотношений, где в числе других новаций вполне определенное место стало принадлежать профессионалам умственного труда — *scholars, literati* (позже их назовут гуманистами), создавшими собственную стартовую площадку — университеты.

VI

Вот, собственно говоря, краткий протокол «воспоминаний о будущем». Сегодня же, в XXI веке человек интеллектуального труда получил доступ к средствам и обстоятельствам, которых он никогда не имел прежде. Социально активная личность может пользоваться инструментами, технологиям, информационными активами и иными ресурсами, которые ранее не существовали, может общаться в режиме реального времени с людьми и организациям, разбросанным по всей планете, припадая к источникам технического и гуманитарного знания и ко многому другому, что просто нет смысла перечислять.

Почему в начале беседы я говорил о том, что учреждения как тип организационной культуры отходят в прошлое? Назову лишь несколько ярких причин: сейчас, к примеру, нет смысла в жестком штатном расписании, напротив — чрезвычайно важно персональное разделение рисков, зависящее не от *должности*, но от *функции* работника. Организация, работающая как традиционное учреждение — это бюрократично-номенклатурный динозавр. Тут надо просто порыться в памяти и вспомнить, скажем, Кафку. Любое действие движется по штатным ниточкам, и никто, кроме, быть может, руководителя, ничем не рискует. Да и он — чья-то креатура. Это крайне неэффективная форма организации.

Другой вид, казалось бы, явно более эффективный, — экономическая организация, современная экономическая корпорация. Корпорация заинтересована в прибыли, а если прибыли нет, надо менять совет управляющих, надо проводить какие-то изменения в рабочей силе, разрабатывать и реализовывать другие нововведения. Но обратите внимание: если вы работали в корпорации, если вы могли взглянуть в ее внутреннюю механику — да, разделение рисков выше, но адекватно ли оно нашему времени? Оказывается — не вполне, оказывается, что это своего рода локомотив — уже не динозавр, а локомотив — но который все заметнее буксует, упираясь в какое-то препятствие. Это организация, где действительно и бумаги быстро передаются исполнителям, где, случается, директоров снимают — но общий контур деятельности копирует в чем-то существенном предыдущую управленческую схему, просто уровень разделения рисков повысился, и планы стали четче реализовываться. Что, однако же, не устраняет основной порок данной организационно-управленческой схемы.

В результате появляются новые организации, основывающиеся уже не на штатной структуре, а на проектном принципе деятельности. Они возникают, к примеру, в сфере неформальных коммуникаций менеджмента и аутсорсинга. Иначе говоря, тех «рыбьих стай», которые сопровождают корпоративных акул — в виде не входящих в штатную структуру констелляций, «автономных отделов», «це-

хов»... И, прежде всего, тех организмов, которые обеспечивают движение нематериальных активов, обслуживая, подчас, несколько организаций одновременно.

Рост значения нематериальных активов и повышение реального ранга лиц ответственных за данные процедуры — яркая черта современной оргдеятельностной культуры. С какого-то момента вышло интересное обстоятельство. К сожалению, у меня нет с собой графика, составленного по достаточно консервативному параметру — росту капитализации организаций, на основании которых определяется индекс *Dow Jones* Нью-йоркской фондовой биржи. Что же там такого интересного? Если приблизительно до 80-х годов динамика роста материальных и нематериальных активов корпораций носит достаточно схожий характер, то к концу десятилетия мы наблюдаем взрыв и разделение кривых роста. Происходит драматичный разрыв между двумя позициями: долей физических и нематериальных активов в совокупной капитализации фирмы. Если до этого момента их соотношение было более-менее сопоставимым, то к 2000-му году оно стало по приблизительной оценке примерно 80-85% к 20-15%. И этот разрыв, повторю, просчитывается по индексу *Dow Jones* (а не по *NASDAQ*). Иначе говоря, по индексу, рассчитываемому на основе изменения уровня капитализации достаточно традиционных корпораций, а не объектов «новой экономики». Означает же это, что промышленное производство в современной экономике превращается в своего рода «придаток», а основная стоимость создается в сфере нематериального производства, где действуют иные схемы и операторы.

Люди, управляющие нематериальным производством, в возрастающей степени определяют гравитацию предприятий — состоятельность, доходность, капитализацию и, главное — перспективность. Даже тот пузырь, который надувался в 90-е годы, когда возникали информационные предприятия на пустом месте, и быстрыми темпами набирали миллионные капитализации — даже он, лопнув, оставил за собой и ряд устоявших предприятий и, самое важное, — свой базовый тренд.

Разговор наш идет, в общем-то, о трансэкономических горизонтах, а не о рутинной экономике, но уж слишком она пропитала бытие и сознание. В то же время создание корпорации, организации, фирмы перестало быть делом учрежденческой культуры, как ее ни понимать — как бизнес-культуру или культуру оргстроительства. Выстраивается спектр инновационных организмов от «человека-корпорации» до «корпорации-страны». Государство сохраняется, но все больше превращается в инструмент доминирующей в данный момент части «национальной корпорации». Административный номенклатурный класс со всеми изгибами переживаемой агонии перерождается в этих условиях в нечто иное или уходит в прошлое.

Уходит в прошлое и абсолютное доминирование буржуазии, которая владеет собственностью, средствами производства. Реально распоряжается этим хозяйством другая структура (иногда обе функции совмещаются в одном лице, но от этого не перестают быть разными) — новый класс управленцев и стратегов, четвертое сословие, новый интеллектуальный класс. И этот процесс захватывает как экономические, так и трансэкономические пространства. Обустраивается дополнительный, транснациональный этаж глобальной социоструктуры, интегрирующий разнообразные творческие прорывы: от новаций в синтезе традиционных видов производства, до освоения призрачных предметных полей виртуальной вселенной и последовательного обустройства футуристических ландшафтов.

Что такое новые предметные поля, до поры не знает никто, кроме тех, кто их видит. А затем осваивает. Поэтому, если вы увидели золотоносную делянку (неосвоенную нишу) и не ошиблись, позвав друзей на открывшийся Клондайк, то вы создаете предприятие, которое как денежное древо начинает осыпаться компаниею «денежками с неба», качая их «из воздуха». И чаще всего подобные предприятия расположены как раз в «воздушной» или как ее принято сейчас называть — «виртуальной» сфере: в области нематериального производства, переживающей глобальную экспансию, в том числе в симбиозе с традиционными отраслями экономики.

Когда-то это называлось кастовостью. Затем сословностью, потом классовым чувством. Как будет называться в дальнейшем — посмотрим, *симпатией*, скажем так. Сегодня некоторые эффективно действующие предприятия так и организуются по типу *симпатии* основных компаньонов и распадаются с разрушением этой гармонии, этого нематериального, но веского основания. Тип ресурсов, на которых базируется подобная организованность, весьма многообразен. Конечно, финансовые активы важны, но также важны и ресурсы социальные, интеллектуальные, человеческие, символические, культурные. Сумма обладания учитывается конъюнктурным универсальным интегралом — уровнем капитализации компании, главными компонентами которой постепенно становятся устойчивость и перспективы роста.

Это также креативность, которая подтачивала и разрушала наследственную сословность, пережившую свой век еще во время прежней волны социального переустройства мира. Однако проникающую затем и в среду буржуазного общества. Меритократия унижает статус наследников, сейчас ге-

ний, вылезший из глиняной хижины, может либо погибнуть в уличной драке, либо занять подобающее место в Новом мире — раньше подобная карьерная траектория было экзотична и маловероятна. В (пост)современном мире не так уж редки ситуации, когда в организацию, причем с пиететом, приглашают человека, обладающего всего лишь *даром*, порой кроме этого дара не имеющего и копейки за душой. Но если дар уникален — а им может быть не проросшее или только прорастающее бобовое зернышко, дающее шанс достичь вождельных небес, — то будущность личности, да и компании, да и всего мира оказывается связанной с экзистенциальным выбором носителя дара. И кто-то будет стараться умыкнуть подвернувшиеся под руку сокровища с небес на землю, а другой приживется на незнакомых делянках «воздушной Лапутании».

Личность, обладающая творческой потенцией, резервами духа, владеет в современном мире отнюдь не медным грошиком. А, кроме того, *head-hunters* ищут ведь не просто людей творческих, коих вроде бы пруд пруди (если бы так, ищут, конечно, причем с высокой степенью конкурентной борьбы), но, скорее, поводырей в будущее. Ибо есть особые точки, невидимые для мира, для мирских глаз, для *функционального зрения*, но которые современные Гомеры-слепцы каким-то образом ощущают, и тогда их песни слушают внимательно, поскольку мир находится в кризисной ситуации, — я имею в виду, конечно, не только экономику.

VII

Впрочем, и в экономике далеко не все обстоит благополучно. Скажу напоследок по данному поводу буквально несколько слов, хотя это и не тема сегодняшнего разговора. Сейчас производительность капитала в ряде отраслей экономики США упала до уровня чуть ли не конца XIX века. Серьезные проблемы с производительностью капитала в американской экономике наметились еще где-то с конца 60-х годов. При этом ВВП страны увеличивается. Но за счет чего, если не производительности капитала? Ответ выходит за рамки темы и не слишком прост: растет ВВП преимущественно за счет внешнего притока капитала, за счет глобальной ренты и за счет серьезной, но отнюдь не всегда видимой миру сверхэксплуатации.

Сошлюсь на личные впечатления и несколько разрозненные наблюдения: в 50-е годы я прожил в США, поэтому мне памятна протестантская Америка Эйзенхауэра и праздника Рождества, Америка с собственным домиком, неработающей женой, тремя детьми. Сейчас прежний стандарт разбит физически и морально — сокрушен образ, осмеяны ценности. В результате вы все чаще видите другую страну (особенно на экранах телевизоров)... Тут многое можно было бы сказать, однако регламент выступления, кажется, приближается к концу. И все же. Мир капитализма, мир протестантской системы ценностей переживает системный кризис. Человечество входит в иное состояние, открывая пространство, для которого у нас нет пока ни адекватных ярлыков, ни ясных концептов (если не считать все эти «пост» и «нео»). Начинаясь эпоха обладает собственной системой ценностей, историческим целеполаганием и доминирующим субъектом.

Так что выступление мое в значительной мере содержало скорее развернутые вопросы — правда, отобранные по некоторому ранжиру и выстроенные в определенной логике, — однако далеко не на все можно получить сегодня ясные ответы. Но вкус перемен ощутим, он как песок перед бурей на гудбах. За более же подробными рассуждениями и частично ответами (более подробными, но все равно неполными) отсылаю к своей вышедшей недавно книге *«Люди воздуха, или кто строит мир»*.

И последнее. Коль скоро время монолога столь близко к завершению, хочется, напоследок рассказать нечто яркое. Поделюсь байкой, которую нахожу весьма выразительной и потому — увы! — рассказываю далеко не в первый раз. Кто слышал — пусть потерпит и простит. Итак, в середине девяностых годов, в Сан-Франциско, в знаменитом отеле «Фермонт» собирался *Global World Forum*, мероприятие, объединяющее элиту мира. У этих встреч весьма жесткий регламент — пять минут на выступление, независимо от персоны. Правда, в рамках форума проходили еще и семинары. И вот об одном из таких мини-семинаров я хочу рассказать буквально в нескольких словах (чужих).

Дискуссия происходила между Дэвидом Паккардом, одним из создателей компании *Hewlett Packard*, и Джоном Гейджем, основателем компании *Sun Microsystems*. Дэвид задает вопрос: *«Джон, сколько человек тебе нужно для организации производства?»* Джон, задумавшись секунд на 15, отвечает: *«Шесть, может быть восемь»*. Тогда ведущий дискуссию Рустем Рой решает обострить дискуссию и спрашивает: *«Джон, а сколько же людей реально работает в корпорации?»* Следует мгновенный ответ, на котором я заканчиваю свое выступление: *«Шестнадцать тысяч, но они, в основном, являются ресурсом для рационализации»*.

Благодарю за внимание.

ВОПРОСЫ

Виталий Лейбин: Первый вопрос задам я. Вопрос с долей недоумения. Вроде бы понятно, что есть некий класс, так называемые «люди воздуха», который сейчас вроде бы должен быть правящим. У меня такой вопрос: что можно с этим утверждением делать? Какие дальше могут быть предложения с этими людьми воздуха? Как именно они будут править? Как они станут правящим классом? Как там быть или туда попасть? Или не надо там быть? И в каком смысле это класс? Ведь вы сами сказали, что не в том смысле, что пролетариат. У пролетариата же были идеологи, которые вроде работали головой. Но социальное движение произвели не они. Такой вот вопрос на понимание.

— Мне кажется, это не столько вопрос, сколько конспект позиций для продолжения разговора. История телеологична и несет в себе некий геном, иначе говоря, внутреннее целеполагание, динамичную организацию. Одновременно она есть деятельное пространство — результативное пространство проявлений свободы человека, протянувшееся во времени и перманентно перестраиваемое жилище людей: существ, которые потенциально обладают практически абсолютной свободой. Взлететь я, пожалуй, перед вами все-таки не смогу, но вот на многие другие неординарные поступки — как в личной, так и в общественной жизни — думаю, и я, и вы способны, мы ограничены лишь законами природы, своими способностями, нравственным императивом, избранным образом поведения, социальными нормами.

Возможно, индусы ощущали некое целостное, нерасчлененное свойство, какое-то очевидное для них — как реальность и как позиция — фундаментальное качество человеческой природы, когда создавали систему варн, выстроив, в конце концов, подобие сословного (*мегалитического* или *металлического*) лабиринта истории. Впрочем, универсальный «металлический счет» засвидетельствован и у других древних народов; счет, неизменно ведущийся от золотого века к веку железному. История имеет своеобразную целостность — как непрерывность и как призвание (путь) — она имеет структурность, отраженную также в синхронной по своей внешней сути карте сословий, а еще точнее — в ее эстафете, в препонах и в переходах, которые мы, люди, преодолеваем, называя подчас эти трансформации революциями. История напоминает мне ген, состоящий из двух совмещенных в единую структуру спиралей: инерции исторических событий и абсолютной свободы человеческой личности.

Приход нового класса к власти в каком-то смысле неизбежен. В каком-то смысле он еще грядет, в каком-то — уже произошел, в каком-то смысле этот класс прикоснулся к рычагам власти еще в прошлом веке. Боюсь, однако, у нас не вполне совпадающее представление о природе данного класса. Это, конечно, не пролетариат, как бы его ни толковать. В своем выступлении — лекции — беседе, называйте, как хотите, я стремился показать, что в истории не угнетенные наследуют угнетателям, но одна социальная реальность, одна социальная страсть, сменяет в качестве господствующей другую.

Я пытался показать, что та номенклатура, которая пришла к власти Советской России — уже была своеобразной, «неандертальской» если угодно, версией нового класса, который, как я выразился в докладе, «сломав буржуазию об колено». Я хотел показать, что события и перемены, происходившие в начале XX века в корпоративных государствах Италии, Германии и ряде других стран — также были достаточно жестким «ломанием буржуазии», иначе говоря, особой версией социализации управленческой культуры. И, наконец, то, что происходило в ходе революции менеджеров и восстания элит, также является чем-то более значительным, нежели просто управленческая революция (нечто, имеющее непосредственное отношение к вопросу о власти): социальная трансформация, которая ставила простых собственников в крайне неудобное положение и, перетасовав очередной раз карты истории, передавала бразды правления в другие крепкие руки.

Эта новая «сдача карт», эта борьба продолжается, она не закончилась в XX веке, конфликт развивается не только между старым третьим и новым — четвертым сословиями, классовый конфликт пробуждается теперь внутри самого нового класса. Конфликт, который частично отражает то, о чем Вы говорите, ибо в обновленной социальной среде («постиндустриальной») есть, конечно же, свои эксплуататоры и свои эксплуатируемые. Но существует также другое, «онтологичное» измерение конфликта (которое является отчасти предметом сегодняшнего разговора), как существовало оно в свое время в коллизиях между буржуазией и аристократией. Буржуазией, шедшей на конкордат с прежним правящим сословием и одновременно резко и драматично противившейся подобному союзу, считая его «нечестивым», предошущая историческую перспективу собственного деятельного пространства. Так уж сложилось, что новые люди обрели тогда обширный земной континент для реализации амбициозных планов: так второе, мощное дыхание буржуазному миру дал Новый свет. Но и нынешнему новому классу второе дыхание дает виртуальный континент «воздушной Лапутании» — транснациональное и постиндустриальное измерение прежней реальности.

И еще раз скажу, коль снова возник этот вопрос: не пролетариат был историческим оппонентом буржуазии. Скорее уж он был ее симбиотическим союзником, их отношения можно было утрясать — правда, асимметрично — в рамках единой социальной реальности. Это внутренние, по-своему «семейные» (симбиотические) отношения, со стрельбой и поножовщиной, такое в семьях случается.

Аналогичный в определенном смысле конфликт был, скажем, у Спартака с теми, кто владел Спартаком, и у крестьянина с феодалом. Но наряду с неискоренимой тягой человека к свободе это были также симбиотические отношения внутри единой системы. И восстание Спартака, вопреки несколько странным утверждениям Сталина, нисколько не пошатнуло состояние Римской империи. Не исключено, что даже укрепило. Да и феодал не выкачивал последние соки из крестьянина: он охранял его поля, и когда приходили внешние силы, то надевал на себя металлические бляшки, брал в руки острый предмет и порою платил за свою «праздную» жизнь кровью. («Праздная» жизнь, в которой дети определенного сословия с малых лет волочили по земле края кольчуг, ходили в доспехах, привыкая к бремени, наращивая мышечную массу, быть может, для весьма короткой жизни и схватки, а мы теперь удивляемся — какие люди в прошлом были маленькие, столь крошечны многие латы и коротки кольчужки: думая так, взгляните лучше на размеры боевых мечей средневековья.)

В древних языках, да и в русском тоже, существуют разные слова для обозначения обременяющей деятельности, скажем, слова: «работать» и «трудиться». Вот одни и работали, а другие занимались ратным трудом. Было разделение функций, которое в том или ином виде присутствует в каждом обществе. Есть оно и у пролетариата с буржуазией. Когда буржуазия сильнее, пролетариат работает 24 часа в сутки. Когда пролетариат сильнее, образуется социальное государство.

Однако важно понять другое: в какой-то момент в рамках общества возникает зародыш совершенно иной социальной конструкции: *контробщество*. Именно об этом писал Огюст Кошен, — его слишком часто неправильно читают и понимают. Об этом же рассуждал Фернан Бродель, у которого есть весьма яркое рассуждение на тему, я привожу его в «*Культуре смерти*», рассуждение о том, что выбраться из ада, если и возможно, то только не в одиночку. Должна образоваться группа, — и, если уж проводить параллели, можно определить данную метафору как вариацию на тему «философии великолепной семерки» (вспомним, кстати, слова Джона Гейджа).

Итак, прежде чем на поверхность выходит социальная революция — в бархатном либо стальном, оранжевом или красном обличье — образуется контробщество, которое можно в свою очередь разделить на подгруппы, реализующие два типа отношений с обществом предшествующим. Одна, проводя перемены, идет на исторический компромисс, создавая симбиотическую конструкцию (в нашем случае с третьим сословием, корпоративным капиталом). И такой конкордат был действительно создан, породив масштабную финансовую и информационную «новую экономику» как динамичную химеру, наполненную внутренними, плохо разрешимыми, если вообще когда-либо разрешимыми, противоречиями. Но одновременно кристаллизуется вектор трансформации — «авангард класса», который несет исторический *message*, постигая собственную миссию, имея свое видение будущего, оригинальный социальный горизонт. Так исполняя свое историческое предназначение, новый класс строит новое общество.

Любое новое общество до времени его утверждения мы знаем весьма плохо: лишь как модель, как проект, как некий образ. Истинная новизна по определению революционна, политически преступна и как минимум неполиткорректна, поскольку переворачивает прежний порядок вещей, а вовсе не улучшает его. Она по-новому прочитывает старые истины, находя неожиданные обертоны и невидимые прежде повороты. И посему создает определенные трудности для открытого, полноценного и корректного обсуждения. Она, если можно так выразиться, есть проекция, скорее, из будущего, нежели из прошлого. Но кто любит задавать по настоящему острые вопросы, тем более потрясающие основы миропорядка? Власти предрержащие, пожалуй, меньше всех... К тому же — такая социологическая деталь — люди, занимающиеся интеллектуальным трудом, как правило, принадлежат к той или иной организации, корпорации, работают на нее, преследуют ее цели, и посему связаны определенными обязательствами.

Вопрос из зала: Я один из постоянных участников клуба «Постмодерн и современная история» в Сахаровском центре. Мне представляется, что административные и номенклатурные структуры все-таки остаются крепостью, пусть и архаичной. Тем не менее, я исповедую идею глобальной интеллектуальной кооперации. Вытекает ли из той социо-культурной картины, которую Вы нам сегодня представили, что новый интеллектуальный класс, наконец, вырвется из административно-номенклатурных пут, и приобретет самостоятельное значение, собственную культуру, и, может, превратится даже в принципиально новый этнос?

— Что касается конфликта с административно-номенклатурными структурами — прежним правящим слоем, первоначальным, или как я уже его обозначал: «неандертальским» предком нового класса, —

то, согласен: это крепость, но как Вы сами отметили, крепость архаичная. Да, новый *интеллектуальный* (слово это прочитывается в контексте данной «антропологической» схемы примерно так же, как оппозиция homo *neandertalicus* vs. homo *sapiens*) класс постепенно приобретает самостоятельное значение, рождает собственную транснациональную культуру... Что же касается этноса или развития темы иных квазиантропологических трансформаций — то это уж очень сильное утверждение. Хотя, надо сказать, время от времени, слышатся подобные обертоны, когда речь заходит о психофизиологической и симпатической принадлежности к тому или иному сословию, и, в частности, об узнавании представителями нового класса друг друга по каким-то невидимым миру признакам... Но сама тема — одиозна.

Перед глазами у нас живой мир XXI века — весна 2005 года. Не так давно прошла война в Ираке, состоялись российские выборы, мы наблюдали борьбу демократической и республиканской партий в США, видели, как побеждала «оранжевая» революция на Украине... развивалась масса других динамичных процессов. Мир, безусловно, меняется. Мы наблюдаем, как выстраивается трансграничная по отношению к прежнему социуму структура, создаваемая при деятельном участии различных сил, преследующих разные цели, руководствуясь подчас противоречивыми интересами.

Современный человек весьма любит схемы и модели. Интересно было смотреть в течение прошлого года, как CNN периодически рисовала свои «кружки и стрелы» — гистограммы пожертвованных в избирательные фонды президентской кампании США: т.е. какие группы финансирует ту или иную партию — ВПК, нефтяные компании, хай-тек, финансовые магнаты. Из множества сведений что-то, конечно, прочитывалось... но так ли пишется будущее? Наверное, и так тоже, однако это его оперативно-тактическое, *полевое* пространство. Стратегия обретается, постигается и реализуется, пожалуй, несколько иначе.

Человечество осуществляет уникальный мегапроект, называя его историей, а уж какой она оказывается «на практике», зависит — как ни тривиально это звучит, ну просто первостатейная банальность! — от самих людей, т.е. от нас с вами. Мне вспоминается фильм «Начало», где героиня Чуриковой — Жанна д'Арк отвечает на тезис инквизитора, убедительно доказывающего, что человек гнусен и гадок. Да, гнусен и гадок, соглашается Жанна. Но этот насильник в латах, в момент, когда повозка несется на ребенка, он выталкивает дите, полагая тело под колеса, и либо умирает — что в те века, скорее, благо — либо становится калекой, что, наверное, было гораздо хуже... Человеческий выбор свободен и в своей свободе — прихотлив, как и судьба истории. Случаются, однако, моменты истины, позволяющие постигать истинное, хотя и скрытое флером повседневности положение дел.

Идеальное общество вряд ли когда-либо восторжествует на этой земле, поэтому новый интеллектуальный класс — просто влиятельный, возможно со временем чрезвычайно влиятельный, социальный актер. Но и на делянках «звездной Лапутании» будут обретаться свои хищники и эксплуататоры, хотя станут ими со временем совсем не собственники средств производства, а владельцы или умельцы чего-то иного... Однако ж это так, эмпирии.

Виталий Лейбин: *В каком смысле это класс? Я хочу понять, не находимся ли мы в некоторой логической ловушке? Допустим, что мы в XIX веке, или в конце XVIII, провели наблюдения, что очень большое влияние на мировую историю оказывают люди типа Руссо, а потом еще Маркс. И говорим, что они придут к власти. Или они являются единым классом? Но это утверждение имеет налет банальности, потому что, конечно, всякие настоящие силы во все времена имеют внутри себя каких-то управленцев или каких-то идеологов. Почему это один класс? Что делает их одним классом?*

Можно, конечно, обсуждать тему постмодернизма в «оранжевой революции», но тогда я должен понять, что дает это обсуждение для ее понимания? Потому что если я возьму исторический раскол в качестве рамки, то я уже начну что-то понимать. Потом я возьму рамку демократизации — буду что-то понимать. Про бандеровцев узнаю — начну что-то понимать. А что я пойму про Украину, пользуясь инструментом «людей воздуха»?

— Виталий, я лучше от Руссо, чем от Украины, о ней я косвенно — «между строк» — что-то уже говорил. А понимать явления можно, кстати, по-разному: конъюнктурно, ситуационно, т.е. как сложившуюся на основе имеющихся факторов и влиятельных в данный момент сил ситуацию; и стратегически, т.е. как вектор долгоиграющих тенденций, которые будут постоянно разрывать сшитый не по их меркам кафтан, принуждая гомонящее вече прислушаться к своим устремлениям.

Но если я правильно уловил логику, то вопрос в том, что именно объединяет постиндустриальный люд, утверждает его единство, творя единое властное тело, в том числе и экономическое? И как это сообщество, а не только деятельность ярких одиночек, подчас опережающих свое время и включенных в иные классовые коалиции, влияет на происходящие в мире события? Именно, не в качестве отдельных гениальных личностей, а как сообщество. В общем, следовало бы прочитать еще одну лекцию, но, наверное, более последовательно и с обязательной привязкой к текущей реальности.

Мысль, конечно, инструмент, используемый в прикладных, в том числе социальных целях. Новизну хочется применить к широкому кругу проблем, ибо она дает шанс обнаружить нечто существенное. Вопрос лишь в том: действительно ли это актуальная новизна или же искусственная схема, второпях сшитая на живую нитку? Когда называются такие фигуры, как Руссо, Маркс — да, мы видим, процесс кристаллизации четвертого сословия происходил в каком-то смысле одновременно с процессом восхождения к власти сословия третьего, но как некая сопутствующая тень, ибо буржуазия на деле уже пришла к власти, еще даже до событий Великой Французской революции. Да и вообще события во Франции были продолжением исторического тренда, уже ярко проявившегося к тому времени в Англии и Соединенных Штатах. Время же сословия четвертого еще не наступило.

Революция как бы сертифицировала и легитимировала сложившееся в недрах общества положение вещей, причем совершала это подчас в символической форме. Когда по Версалию шли Генеральные Штаты, то часть депутатов шагала в деревянных башмаках, подчеркивая тем самым свой статус. Там даже натуральный крестьянин был, Жерар, кажется, его звали («человек честный, от природы рассудительный, но безо всякого образования»). Тем не менее, реальная власть была не у крестьян, и уже не у аристократии. Поэтому-то и собирались Генеральные штаты, ибо с одной стороны нарастал кризис прежней социальной системы, а с другой — бурными темпами развивалось материальное, техническое производство, росли мануфактуры, были внушительные ресурсы, которыми распоряжался новый класс тех времен, а у класса прежнего ничего этого, практически, не было, кроме символики власти и некоторого ее инструментария.

Сейчас в мире совершается нечто похожее. Материальные ресурсы сами по себе, вне соответствующей инфраструктуры, сетей и работающих систем обесцениваются. Приведу разговор с одним известным московским экономистом. Я сказал, что капитализация некой корпорации составляет 28 млрд. долларов. Он ответил: «Как же так? Эта компания стоит несколько сот млрд. долларов!». И был по-своему прав. Точнее, определенная правота была у нас обоих. Только я говорил о капитализации, а он говорил о бухгалтерской стоимости основных фондов. Но кого волнуют основные фонды, если они лишены ликвидности и не поддаются залого (либо уже заложены и не один раз)? Возможно, их даже не примут в металлолом — т.е. за это придется платить отдельно. Ну а месяца через три после разговора заглянул я как-то в Интернет и увидел, что капитализация упомянутой фирмы составляла уже 24 млрд. долларов.

Физические ресурсы и нематериальные активы, энергия и финансы — вот поле схватки, базовые траектории двух сил в экономике, хотя, конечно же, держатели ресурсов, будучи существами по-житейски разумными, сплошь и рядом действуют симбиотически. И, тем не менее, их качественное разделение нарастает. Специфика же исторической ситуации состоит в возникновении совершенно иной инфраструктуры общества, в меняющемся характере общественных связей, в обновлении контекста социального действия. Новый интеллектуальный класс создает, конечно же, не романы и не поэзию, а высокие геоэкономические и геополитические технологии. Тут я несколько упрощаю картину, без доли метафизики (и особого рода поэзии) она, конечно же, неполна, зато становится более выпуклой и внятной.

На сегодняшний день в экономической практике, к примеру, существует весьма экстремистская точка зрения: капитализация предприятия измеряется и зависит от качества критической суммы контрактов с основными сотрудниками. В общем, это та же модель Гейджа или схема «семерых самураев». Если у корпорации есть эти критические шесть-восемь сотрудников, у нее есть будущее. Если таковых нет, то будущее ее проблематично.

Но это, повторю, на сегодняшний день экстремистская форма оценки капитализации, потому что, несмотря на то, что определение капитализации «поплыло» и ее сейчас крайне трудно оценить, все же работают прежние экономистические схемы. Ну конечно уже не по формуле «сумма стоимости акций, котирующихся на рынке» (ибо при этом не учитывается ни блокирующий пакет, ни контрольный, ни интегральность предприятия). Арифметика сейчас не работает. Но сложности возникают и с алгеброй, к примеру, с таким устойчивым показателем, как чистый доход предприятия за вычетом разных обременений. Сейчас успешно капитализируются и продаются предприятия с нулевой и даже отрицательной доходностью. Например, в сфере СМИ. Ибо помимо финансового капитала, заметную роль приобретают другие активы, не один раз называвшиеся в течение сегодняшнего вечера: человеческий капитал, интеллектуальный капитал, социальный капитал, символический... Для России их роль в активах корпорации — столь очевидная ситуация! Социальный капитал — скажем так (неизбежно упрощая ситуацию), — сумма связей, которыми обладает корпорация. Дефицит этой составляющей может привести, причем весьма быстро, к очень серьезным проблемам... Капитал символический — тот авторитет, которым организация обладает и который также выражается в нематериальных активах: брэнде, доверии клиентов, образе устойчивого будущего и так далее...

Однако все это только пролегомены — подход к истинной проблеме. По настоящему большие деньги сегодня не зарабатываются на рынке, они придумываются, организуются или крадутся: это деятельное пространство глобальных пропорций и есть высокие геоэкономические технологии — алгоритмы системной организации возможностей и ресурсов универсального рынка. Для того чтобы изобретать их и управлять ими требуется весьма непростой интеллект: «новые деньги», глобальный долг, страхование национальных/региональных/планетарных рисков (точнее, управление ими), деструктивная и парадеструктивная экономика.

Все это реализация неких открывающихся возможностей, обновление крови, драматичный комплекс социальных устремлений в компромиссной и консенсусной сфере экономики, от которой большинство людей психологически не может оторваться, будучи связано проблемами потребления. А ведь за открывшимися дверями существуют необъятные «хрустальные» сферы, пришедшие в движение в соответствии с изображением на известной средневековой гравюре: трансэкономические поля, социальное и культурное проектирование, цивилизационные и мировоззренческие «высотные границы»... тут я умолкаю.

Вернусь лучше к байкам. Постепенно основная прибыль начинает поступать из принципиально новых источников, а «дымящее» отправляется в Китай. Постепенно Китай начнет делать все материальное для всех. Делает Китай, а продает потребителю в той или иной форме — не всегда Китай. Я побывал в таких разных странах, как Киргизия и Западное побережье США. Купил дочке и там, и там куклу Барби: в США она стоила 12 долларов, а в Киргизии — 1, хотя и та, и другая были *made in China*, и упакованы они были в одинаковые коробочки.

И все же основной инновационный ресурс — это не технологии, не информатика, а креативность, открывающая новые поля деятельности. Даже управленческое умение — устаревающий, ибо комплементарный по отношению к творческому дару ресурс (правда, здесь также обнаруживаются новые поля деятельности, связанные, к примеру, с действиями в условиях неопределенности, критичности (сложности) или с управлением рисками и хаосом). В мире, переживающем столь титанический сдвиг, назревает конфликт между профессионализмом и компетенцией, между образованием и пониманием, порождая массу проблем. Будучи хорошим профессионалом, вы можете оказаться совершенно некомпетентным в (пост)современном мире. *«Как так, я же закончил все высшее, что можно было закончить, а Вы говорите, что я некомпетент!»* А руководитель отвечает: *«Да, Вы очень хороший профессионал, но лучше бы Вам заняться преподаванием».*

Петр Иванов: *У меня несколько вопросов. Во-первых, не совсем понятно, почему именно в наше время важно выделять данный класс, неужели не существовало абсолютных аналогов в любые прошлые периоды. И второй вопрос: чем этот класс принципиально отличается от интеллигенции? Почему это важно выделять именно как класс, а не как межклассовую прослойку по Марксу?*

— Аналог существовал действительно во все времена, но, во-первых, в различном социальном качестве и, главное, в различной среде. Интеллектуальный слой — это *профессиональная функция*, к примеру, литератор или консьержи; и параллельно — это *социальная позиция*, определенный статус в обществе, в свою очередь во многом зависящий от состояния самого общества, от состояния (сложности) социальной среды.

Профессиональная функция — более-менее постоянна, стабильна, социальный статус — транзитен. И, повторюсь, тесно связан с состоянием общественной среды. Изменение среды играет решающую роль, без нее все вырождается в дурную бесконечность. Не надо только оценивать это понятие чересчур материалистично, это может быть и нечто подобное «восточному ветру» Мэри Поппинс, т.е. ошутимой переменной *Zeitgeist*'а.

Правящий слой меняет время от времени свою консистенцию, но принцип его доминантных позиций, естественно, сохраняется, даже если к власти приходит иная группа. Наверное, чтобы оттенить специфику рассуждения, следовало бы ввести в разговор, помимо упомянутого Вами Карла Маркса, таких авторитетов в данной области как Гаэтано Моска (правящий, политический класс) или Уилфреда Парето (теория элит, основанная на «психических predispositions»), т.е. людей строящих социологические схемы в данной области на совершенно иных основаниях. Сейчас, кстати, начал выходить журнал под названием *«Политический класс»*. То есть власть, конечно, всегда сопряжена с интеллектом, но будучи также тесно связанной со всякими «львами» и «лисицами», она тяготеет к вырождению и стагнации, карая с какого-то момента «отличников» даже в своей собственной среде. Ответ же на вопрос, поставленный Вами подобным универсальным образом, лежит больше в практической плоскости: намеки на него — в формулах соподчиненности, эффективности симбиоза, осмысленности/бессмысленности перемен. Но сам факт «существования аналогов» — это, конечно, трюизм...

Петр Иванов: Извините, а почему именно «новый политический класс», если он существовал во все времена?

— «Политический класс» не моя сегодняшняя тема, это слишком общее (обобщающее) и неопределенное понятие. Он-то как раз существовал «во все времена» в том смысле, что интегрирует понятие *всяких* носителей власти, этого вечного «правлящего слоя», но ведь нас интересует, кажется, прямо противоположный вопрос — динамика внутри слоя, смена исторического гегемона, становящегося со временем правящим классом, качественно изменяя его состав. Ведь и Гаэтано Моска, создатель теории политического класса, предвидел ограниченность «имущественной элиты» во времени и неизбежность ее замены иным деятельным актором в роли правящего класса. Применительно к (пост)современности я говорю о «новом интеллектуальном классе». Говорят, у меня гротескное чувство юмора, возможно, оно тут каким-то боком проявилось.

Сервилизм же интеллектуала по отношению к правящей структуре существовал всегда. Наступает, однако, время, когда люди, обладающие определенным набором качеств, причем, не сводимых к интеллекту (тут и амбициозность, и креативность и быстрый управленческий ум, и еще ряд качеств, составляющих особую интегральную ценность), перестают верноподданнически обслуживать иную страту. Другими словами, обслуживание и взаимодействие сохраняются, но трансмутируют в нечто иное по мере изменения среды, которое данная страта по своему иницирует и подталкивает — вот, пожалуй, в чем уголек. Подчас это как-то связывается со снобизмом и клановостью...

Когда-то интеллектуалы «обслуживали», допустим, фараонов или императоров или генсеков, чей мир был весьма инертен. Со временем стали заметны признаки «гниения» умирающего класса, усилилась враждебность к прежнему порядку вещей, обозначилась возможность продвижение общества к новой высотной границе и «мыслящее сословие» ощутило достижимость и императивность собственных целей. Теперь уже новая страта действует как клановая (классовая) целостность. В которой, к тому же, по ходу дела проявляются, кристаллизуются собственные нестроения и катаклизмы. Серьезный удар, вызывающий не менее серьезный раскол, способна вызвать, к примеру, резкая архаизация среды, ее «обратный бег», обилие рекурентностей в состоянии социума. Однако нестроения резко обостряются и тогда, когда класс почувствует себя победителем, прямым источником власти (причем обе коллизии могут произойти по времени в одной исторической точке). Не менее драматичная коллизия может случиться и по ту сторону постиндустриального барьера — в мире, где основной формой социальной организации станет власть без государств (или «поверх государств»).

Пока же «мыслящее сообщество» видимым образом разделено, создавая усилиями классовых компрадоров симбиотическую структуру с элитой Старого мира, а радикальные футуристы («свободные радикалы» системы) шаг за шагом раздвигают прежние и утверждают новые границы социальной среды... В Новом мире, однако, основная масса и футуристов, и ренегатов будет обречена обслуживать не столько буржуазию, быть может, прозябающую к тому времени где-то на задворках лапутанской Амазонии, сколько собственные верхи (часть себя). И сражаться им придется с какого-то момента не с буржуазией, а с самими собой (с частью себя). Да и кем была когда-то буржуазия? Простой совокупностью жителей города, *бюргерами*. А третье сословие, как уже вспоминалось, включало на определенном этапе, пусть символически, даже крестьян и «kozyряло» — если так можно выразиться — деревянными башмаками. Впрочем, если не ошибаюсь, была еще особая манера носить шляпы — с опущенными полями.

Итак, с какого-то момента новый класс начинает сражение за общее будущее для себя, а затем продолжит его в ходе социальных и иных размежеваний, внутри себя. В форме конфликта между прежней номенклатурной стратой и новой управленческой культурой арьергардные, но от этого не менее жестокие бои протекают не один год. Но разве не так происходило в ходе всех революций, пожиривших своих отчаянных и отчаявшихся детей?

Теперь о втором Вашем вопросе: «*чем же этот новый интеллектуальный класс принципиально отличается от интеллигенции?*». Вопрос на самом деле непрост, ибо здесь двусмысленное понятие используется для двусмысленного же определения: в новом классе интеллектуальность трактуется весьма специфически и ни в коей мере не романтически. Обратимся к истории и сути вопроса. Интеллигенция — российское понятие. Она выросла из той части общества, которая имела низкое происхождение (являясь не аристократией, не дворянами, а «разночинцами») и не допускалась к верховной власти. Другими словами отдельно существовало высшее чиновничество, и где-то, нередко на социальных задворках ютилась интеллигенция.

Сейчас многое забылось, поскольку в России прошлого века заметно изменилось отношение к данному понятию (равно как и к *богеме*). В советское время люди привыкали к слову «интеллигент» (да и «артист») как к уважительному званию, в то время, как в предыдущий исторический период оно было не то

чтобы оскорбительным, но несколько пренебрежительным. Я думаю, если бы к некоторым из признанных (сейчас) интеллигентов того времени так обратились, то они, не исключено, были бы отчасти смущены и совсем по иной причине, нежели в XX веке. Интеллигентом являлся более-менее образованный человек, находящийся на распутье, не нашедший «настоящей» дороги в жизни, и потому занимающийся не вполне уважаемым делом, живущий отчасти в мире фантазий. Тут есть некая параллель с актерским сословием (и с отношением к данному сословию), т.е. интеллигенция состояла преимущественно из людей, которые занимались специфическим обслуживанием, порой — развлечением (вспомним тех же шудр), и которых власть имущие или просто чиновник время от времени вызывал «на ковер». Подобная практика плавно перетекла и в советскую действительность, но эта ее специфика — самостоятельная тема.

А вот смешение этих двух групп: интеллигенции и богемы в единую амальгаму (были в этом «алхимическом» составе еще и спортсмены) при отсутствии моральной оппозиции власти и наличии сергианского клира (соответственно — вакантности социальной позиции «совести нации», занятой со временем диссидентами) привело к предельной химеричности результата, если взглянуть на ситуацию с позиций культуры Российской империи. Вспомню сейчас лишь один пример, но очень уж характерный, поскольку сдержит в себе явный гротеск: не столь уж давний спор в верхах по поводу награждения Аллы Пугачевой — то ли орденом «За заслуги перед Отечеством» высшей пробы, то ли орденом Святого Андрея Первозванного «с лентой, звездой и бантом»...

Западный же интеллигент — совершенно иная социальная категория, имеющая иное происхождение, заметно отличное от российского и советского. Западноевропейский школяр, метр, гуманист имеет совершенно другой генезис. Интеллигент ведет свое происхождение от особого средневекового городского клирика, «приватизировавшего» ментальную сферу деятельности и создавшего со временем грандиозную образовательную, интеллектуальную и социальную (производственную) инфраструктуру. Иначе говоря, обустроившего специфическую нишу деятельности, которую на сегодняшний день мы можем определить и как постиндустриальное производство, и как виртуальный/интеллектуальный мир. Короче говоря, в среде (пост)современности эта карта оказывается козырной.

Клирики-интеллектуалы составляли определенное цеховое и корпоративное сословие, добивавшееся расширения своих полномочий и привилегий. Студент, школяр — было достаточно высоким званием, а обучение — дорогим процессом. Студент, приходя в университет, являлся уже по-своему образованным человеком: например, он непременно владел латынью (иначе бы просто не смог учиться). Это, кстати, способствовало транснационализации сословия — и даже само слово *университет* происходит от понятия «сумма землячеств», ибо университеты были интернациональными, и преподавание долгое время велось повсюду на одном и том же языке.

Чему же обучался человек в университете на факультете свободных искусств (т.е. не медик, не юрист, не теолог)? Двум комплексам знания: тривиуму и квадриуму. Тривиум — это грамматика, диалектика (логика), риторика. Иначе говоря, искусство ведения диспута, культура мышления, политичность и политес. Если человек умел вести диспут, он входил в определенное сословие, ибо знал, как поддержать рафинированный разговор/профессионально выстроенный дискурс. Помимо этого изучались еще четыре науки (квадриум): арифметика, геометрия, астрономия, музыка. Таким образом, вырашивалась страта, которая занимала впоследствии управленческие, хотя и не всегда властные позиции.

Продвинемся, однако, далее по извилистой тропе истории. Когда мы начинаем разбирать, скажем, события и деятелей Великой Французской революции, то видим, сколь неоднозначной была социальная и политическая ситуация. Неужели люди в деревянных башмаках или даже владельцы мануфактур проектировали Генеральные Штаты, плели политическую интригу, к примеру, приведшую к казни Людовика XVI? Все это совершалось преимущественно *судейскими* и *литераторами*. Уже тогда слой данный выступал не просто как прослойка: у него появлялись и проявлялись *амбиции класса* — в этом был драматизм ряда коллизий тех дней. Подобные амбиции, правда, были смяты императором, восстановившим прежнюю, сословную структуру общества. Между тем та структура общества, которая выстраивалась до Термидора и Наполеона, была для своего времени футуристичной. Недаром ее опыт изучался вновь и вновь при очередном социальном потрясении. В том числе ситуации/персонажи, чьи лики навязчиво проглядывали в проектируемых утопиях и реализуемых антиутопиях, указуя на пульсирующий алгоритм исторического преобразования в мирах следующих столетий...

Что такое интеллигент в современной корпорации? Это весь управленческий корпус с особыми точками напряжения и лидерами, устремленными в неизвестность, т.е. персонами, опознающими будущее состояние общества и рынка. К примеру, вице-президент по вопросам стратегии, который сейчас получает максимальный оклад в корпорации, определяя предметное поле деятельности на ближайшие лет десять, и от правильности решений которого в значительной мере зависит судьба корпорации. Постепенно эти люди осознают свою классовую солидарность, свою особую общность.

Обладание немалыми деньгами выводит траектории управления финансовыми ресурсами за рамки актуальной ситуации и даже за пределы собственно экономического формата операций. Распоряжение значительными физическими ресурсами шаг за шагом переходит от их владельцев к новой исторической страте, проходя при этом стадию стратегического союза бывших с будущими. Проблема, скорее, в социальном доминировании и темпах исторической динамики. Я ведь не говорю о том, что свершилось, но веду речь о том, что происходит.

Виталий Лейбин: *Мы понимаем, чем ценно описание новых управленцев. А вот фраза «появился новый класс». Не является ли она банальной? «Появился управляющий класс, который управляет». Что могло бы сделать эту фразу не банальной? Содержание? Что делает этот класс классом? В том смысле, в котором классом является пролетариат. Почему с этим можно и нужно работать как с классом?*

— Если уж так рассуждать, то для меня, скажем, сомнительно, являлся ли пролетариат гегемоном или, пользуясь Вашим определением, «управляющим» классом... Какой же это гегемон, когда и где он управлял? Группа людей, занимающихся физическим трудом в индустриальной сфере, в современном обществе составляющая явное меньшинство, а в обществе традиционном — принадлежащая в значительной мере к какому-то иному (крестьянскому) сословию. Разве революцию творили рабочие, скорее крестьяне в шинелях, городские люмпены, прочий революционный люд, профессиональные революционеры, ну и рабочие тоже, однако они не являлись ни движущей силой (эту роль сыграла революционная интеллигенция, впоследствии — номенклатура), ни даже большинством бунтующих масс, ни будущей властью. Но это так, к слову, я об этом не хочу сегодня ни спорить, ни говорить. Для нашей темы это не столь уж актуально, хотя и спорно.

Управление управлению рознь. Важен не сам факт управления, а, скорее, характер субъекта и объекта, отсюда следует и характер применяемых методов. Объект — то, чем управляешь: механизмом, человеком, предприятием, обществом, будущим. Идеальный объект упрощает схему управления, в архаичных и традиционалистских обществах, где человек представлял, прежде всего, некую социальную функцию и ничего более так и было. Но в мире, где возникает личность, тем более в мире «освобожденного Прометея» процесс управления скачкообразно усложняется, становится критичным, возникает необходимость в принципиально иных, сложных, нелинейных системах управления, ибо мы имеем дело не просто с «неидеальным объектом», но чаще всего с активным субъектом, обладающим собственным, свободным целеполаганием.

Что же касается классового единства новой страты, у которой — что характерно — до сих пор не возникло общепризнанного названия, здесь есть, о чем говорить. Существует обширное предметное поле деятельности — постиндустриальное производство, и неоднократно уже упоминавшиеся нематериальные активы. Подобного типа деятельности не было у их предшественников, и, возможно, именно поэтому, заняв на время господствующие позиции в обществе, они все же проиграли свою битву за будущее. Скажем, если бы во времена Великой Французской революции уже существовали постиндустриальные форматы деятельности (причем в доминирующем качестве) и соответствующие орудия производства (нередко не отчуждаемые от личности по своему характеру), а не только газеты и системы «юридических активов», то, быть может, уже в тот период люди четвертого сословия обрели бы более достойное будущее.

Я что хочу подчеркнуть: финансовый ресурс, который ассоциируется с буржуазией, постепенно теряет свои уникальные свойства, размывается другими значимыми факторами, но ведь и он постепенно перемещается из одного кармана в другой, становясь с каких то величин виртуальной категорией. Что я имею в виду? Во-первых, крупные финансовые и экономические проекты нашего времени заметно повлияли на природу денег. Появились «новые деньги». Старые были «особыми, мерными вещами» — монетками, банкнотами, обеспеченными банками или государством. Взгляните на современную американскую банкноту — она то чем обеспечена? Ни сокровищами форта Нокса, ни собственностью США, да и вообще это не продукт американского казначейства. Обеспечена она определенным символическим капиталом, мощью США «и 6-ым американским флотом». Это чистой воды постиндустриальное производство. Людей, которые создали данное специфическое производство, вы назовете буржуазией? Я же даже в этом быющем сердце капиталистического мира вижу существенное отличие от буржуазной стилистики прежних поколений. Скорее, происходит возврат к идеологии «адских банков» и «финансовых дьяволов», но их почва — это не города-коммуны, а все более отъединяющиеся от материнского организма транснациональные сферы движения финансов и информации. Федеральная резервная система США, при всех наложенных на нее государством ограничениях, — это, пожалуй, первое мощное постиндустриальное и глобальное производство XX века (в том числе и родоначальник новых денег).

Или возьмем систему глобального долга. Можно подробно описать, как она создавалась, выстраивалась, как был единственный человек, который выпрыгнул из этой сети и вместе со своей семьей

расписался кровью на стене, а все остальные так и живут в долговой яме, выплачивая перманентную ренту. Иначе говоря, глобальный долг со временем превратился в рутинную систему квазирентных отношений (и контроля над мировыми финансовыми и ресурсными потоками) — вот только прибыль при этом добывается не из земли, как в классической политэкономии — а «из воздуха». Ровно так же и новые деньги приносят доход «из воздуха».

Или, к примеру, система управления рисками (но не только их страхование), которая шаг за шагом развивается, начертав для себя не только национальные, но и региональные и глобальные горизонты. Так, восемь лет назад, когда в 1997 году разразился восточноазиатский кризис, возникли разговоры о том, что нужно создать систему регионального страхования рисков. Представьте, о каких суммах идет речь. Все эти суммы — это заводики? Их буржуазия создает? А Киотский протокол — традиционная буржуазия от него в ужасе: это уже глобальное страхование рисков и прообраз глобальной налоговой системы. Возможно, Вы просто узко понимаете, что такое «новый интеллектуальный класс», в таком случае, это, видимо, моя вина — в России сложилось особое отношение к слову интеллектуальный. (Вспоминается в этой связи не столь уж древний анекдот о «централизованном агентстве по оказанию интеллектуальных услуг») Вы, возможно, восприняли интеллектуальный класс как собрание людей, которые пишут интеллектуальные эссе или творят иные художественные тексты.

Виталий Лейбин: Нет, я не воспринял так.

— Новый интеллектуальный класс или, может, точнее будет сказать, новый идеократический класс — это... Я, знаете ли, отвечаю по-марксистски: наука, а соответственно и интеллектуалы, сейчас «являются непосредственной производительной силой». Но все-таки далеко не только наука. И не знание даже. И не всуе поминаемая креативность. А вот наука, знание и творческий прорыв в едином «пакете» плюс обоснованные управленческие амбиции — все это превратилось в некое деятельное пространство, куда постепенно переселяются люди. И где часть из них чувствует себя уютно, а для других это просто дополнительное измерение прежней жизни (комната в стене), либо площадка для заключения особого рода сделок.

Для иных же зыбкое и динамичное пространство может оказаться крайне неудобным. Но именно здесь разворачивается грандиозная битва — поскольку столкнулись не просто две страты: традиционные управленцы, работавшие по административной схеме (помните это повторяющееся — «ломали буржуазию об колено»), и новая интеллектуальная страта, устремленная к иным горизонтам, а не к перманентному перераспределению свалки добра в замкнутом геоэкономическом мире. И где происходит не только конъюнктурное (как сказал бы некий персонаж прошлого века *похабное*) совокупление четвертого сословия с третьим. Здесь также разворачивается борьба за будущий проект, за будущий социальный формат всего человечества. И если не прозвучит совсем уж патетично — за его историческую судьбу.

Николай Богословский: Можно ли говорить, что новый интеллектуальный класс приходит к власти по всему миру? Или вот эта вот система «производители-управленцы-держатели капитала» просто распространяется по всей земле таким образом, что в какой-то одной стране оказываются управленцы, этот интеллектуальный класс, а в другой, как вот Вы говорили о Китае, оказываются просто производители?

— Человек — существо несовершенное, и я совершил ошибку. Виталий спросил меня перед началом лекции, нужна ли будет доска. Я ответил — нет, и сейчас об этом пожалел. Потому что вопрос «в десятку», но ответ требует некоторого инструментария, да и отвлечет, в общем-то, от основной темы, но коль скоро выстраивается именно такая, а не иная серия вопросов, я попытаюсь ответить. В конце концов, выбор маршрута диалога в пространстве темы и формулирование конкретных вопросов — сегодня это ваша привилегия.

Дело в том, что мир — социальный и экономический космос современной практики — не является гомогенным. Он представляет выраженную гетерогенную структуру. И скроен этот социальный космос, примерно, из шести пространств-сегментов. Поэтому то, что я не могу изобразить на доске, постараюсь объяснить «на пальцах». Или, может, кто-то из вас был в Китае либо сталкивался иным образом с таким объектом, как «китайский шар»: пять шаров, один в другом, тот он поймет меня лучше и быстрее. Этот шар — идеальная модель того, что я хочу вам представить.

Внешняя оболочка шара — транснациональный мир, о котором все чаще идет речь. Когда мы говорим о буржуазии или о феодальном мире, мы же не говорим, что феодальный мир существовал на всей планете. Да феодализма на Востоке и не было никогда. А в Новой Гвинее до сих пор живут людоеды, а кто обитает в глубинах Амазонии — мы вообще не очень хорошо себе представляем... Конечно, значительная часть человечества существует в условиях современной цивилизации, кого-то мы воспринимаем как представителей экстравагантного (пост)современного мира, а есть еще и периферийные районы и глубокий юг — все это мир-дом, который построил человек на планете Земля.

Итак, первый, внешний, ареал я назвал бы Новый Север. Это транснациональное пространство конвергенции элит, та самая штабная экономика, где создается сама новая среда, в которой оперируют смыслами, создают высокие геоэкономические и геополитические технологии, не производя конкретной (вещественной) продукции. Ее населяет новый интеллектуальный класс в конкордате с динамичными и могущественными представителями третьего сословия, но это происходит, поскольку мы переживаем транзитный момент истории, пересекая постиндустриальный барьер.

Второе пространство (второй, внутренний шар) — назовем его Запад. Это североатлантический мир высокотехнологичного производства. Мир, который создает образцы и лекала, своего рода «высокотехнологичное Версаче», распространяемые затем по планете, правда с некоторой задержкой, а иногда весьма быстро, и уже другие страны ставят данные образцы на поток массового производства — причем, речь совсем не обязательно идет о низкотехнологичной продукции, хотя и о ней тоже. Это и куклы Барби, и, скажем, коммуникационное оборудование. Итак, Запад создает «лекала», а производство сбрасывается в тот регион, который можно совокупно обозначить как Новый Восток.

Но есть в этой механике определенные исключения: во-первых, сама индустрия открытий со своими секретами, во-вторых, продукция военно-технологической области, проходящая систему изоциренных фильтров. С какого-то момента создаваемые военные технологии, возможно, перестанут расползаться по планете, будут закрыты для остального мира. Гражданские же станут предметом сложной диверсификации с целью извлечения максимальной технологической ренты.

Следующее геоэкономическое пространство, или очередной «шар», я уже назвал — промышленное производство, расположенное преимущественно в зоне Большого Тихоокеанского Кольца — включающего в себя диагональ от Индостана до Латинской Америки, а также расположенный совсем в другом географическом ареале конгломерат стран бывшей Восточной Европы.

Еще один геоэкономический регион — это Юг, который производит природное сырье, причем, рента, получаемая от него, срезается в пространстве промышленного производства «ножницами цен», которое, в свою очередь, подпадает под пресс выплаты технологической ренты в авуары штабной экономики.

Оставшееся геоэкономическое пространство имеет два образа: один — потенциальный, другой — актуальный. Потенциальный — это хорошо организованный рынок и производство интеллектуальных ресурсов, специфического сырья для высокотехнологического производства, о его неудовлетворительном состоянии я обмолвился еще в начале разговора. А пока что, указал бы на проблему охраны интеллектуальных и шире — нематериальных — прав, которая весьма остра. Кроме того, от того или иного ее решения (не формального, хотя и формального тоже) зависит курс развития человеческого сообщества: пойдет ли оно по пути оптимизационных мер или инновационных прорывов. В мире творится умелое безобразие с интеллектуальными правами, но такого безобразия, как в России, возможно, нет нигде.

И, наконец, изнанку данной конструкции можно было бы назвать криминальной экономикой, однако на сегодняшний день, сегмент глобального рынка, оперирующий сотнями миллиардов, если не триллионами долларов, трудно охарактеризовать столь однозначно. В каком-то смысле она сливается в единое целое со спекулятивной казино-экономикой Квази-Севера, образуя с ней параэкономическую «ленту Мёбиуса».

Трансгеографические пространства разминают государственность, «администрации», создавая из их осколков «астероидные» группы, движущиеся по множащимся и расходящимся траекториям, питая оргдеятельностные и управленческие схемы, приспособленные к условиям хаоса и неопределенности. Сюда, кстати, входит и такая экстравагантная система управления, которая определяется как новый терроризм. Тут я бы для экономии времени сослался на собственную статью «*Культура смерти*», опубликованную в весеннем номере журнала «ИНТЕЛПРОС — Интеллектуальная Россия» за 2005 год, где проблема разобрана и глубже, и подробнее.

Вопрос из зала: *Представляется несколько ограниченным исторический анализ. Почему у Вас история начинается с 476 года и имеет какую-то линейную направленность. Не кажется ли Вам, что каждый раз, при рождении общества нового типа, возникает в переходный момент новый интеллектуальный класс, который управляет смыслами, полагает эти смыслы в основу нового типа общества, чем ставит людей, не адекватных этим новым смыслам, в неудобное положение, а себя в положение удобное. А подвопрос в том, почему ведется речь о том, что появилась некая новая система? Не является ли это просто переходным периодом, после которого все эти новые смыслы стабилизируются, «устаканяются», распространяются на всех, будут всеми усвоены, и опять наступит некая стабильность?*

— В каком-то смысле, наверное, так и произойдет. Совершается переход в иное качество, преодолевается постиндустриальный барьер, появляется новая форма социальной организации, которая

сначала «турбулентна и сильно дымит», потом то ли она «устаканивается», то ли люди привыкают, приспособляются к ней, постепенно этот строй распространяется по миру, и возникает целостная, возможно, глобальная конструкция, новая Ойкумена. Вопрос наш в том, что же это за конструкция?

История в свое время провела некую разграничительную линию, которую часто воспроизводят в учебниках — 476-й год. Был некогда античный мир, Западная Римская Империя, затем появился мир другой, который заметно отличался от предыдущего (*анти-чного, т.е. противоположного, предшествовавшего*), образовав мир Европы или Западной Европы, родившей со временем глобальную цивилизацию. Можно, конечно же, расширить список рубежей и границ: скажем, 1453 год — крушение Византии (остатка Восточной Римской Империи) и одновременно окончание в Европе Западной судьбоносной Столетней войны, или 1648-й год, конец Тридцатилетней войны и установление Вестфальской системы международных отношений... Хотя трансформация трансформации рознь, и у истории, как я уже утверждал, есть свои ранжиры, внутренняя соподчиненность, целеполагание и архитектура.

Человечество творит общественные конструкции различных пропорций, в историческом тексте, случается, прописаны их замысел, автор, история вопроса, подчас же сведения доходят до нас в виде невнятных отрывков или просто безмянными артефактами. Речь, собственно, идет об опознании сущности явлений, выковываемых в плазме социального космоса. И я уже говорил, повторю еще раз: «не все слова одинаково полезны». Меня, простите, порой тошнит от переизбытка категорий-пустышек. Когда я правлю свои работы, то стараюсь вычеркивать такие слова, как, к примеру, «новое», хотя далеко не всегда это удается. У Маркеса есть хорошая компьютерная программа: если в одном абзаце какое-то слово повторяется, она его подчеркивает, и тут же дает десять синонимов, поэтому у Маркеса столь богатая в романах лексика. Поймите меня правильно — это шутка. Так вот, приставки типа «нео», «анти», «пост», «квази», «транс» и им подобные — мы вынужденно пользуемся ими, однако по причине интеллектуальной и лексической нищеты, ибо они очерчивают нечто, но ничего не говорят о его природе.

Да, действительно, регулярно обновляется организация общества. Важен, однако, даже не сам факт социальной динамики, а то, какая форма общественной организации возникает, кто ее инициирует, кто является субъектом, гегемоном перемен, где находятся истоки изменений? Только не стоит, наверное, при этом уходить в конспирологию. Не потому что конспирология сама по себе плоха (хотя часто именно так). Нет, там есть место для интересных прочтений и значимых обстоятельств: замените, к примеру, слово «заговор» на «проект» и вы поймете, что я имею в виду — но одновременно почувствуете искушение упростить множасьщиеся проблемы, наиболее же простой способ уклониться от подобных нападений — мифологизировать их, а затем начать про Красную Шапочку рассказывать. Если рациональность плоха, надо искать иную рациональность, а не уходить в иррационализм и беллетристику.

Новая рациональность, правда, достаточно сложна и требует ментального усилия, она в чем-то существенном заметно разнится с прежним строем мысли. Новая рациональность переполнена интеллектуальными вызовами: нелинейная логика, антиномии, апории, апофатизм, с трудом удерживаемое человеческим сознанием преобладание конкретного над общим, негативная диалектика, хаососложность, критичность... Да и новые ментальные реалии не упрощают этот вызов: рефлексивное или матричное управление, действия в условиях неопределенности, диссипативные структуры, фазовые пространства, бифуркации, странные аттракторы, фракталы, сетевые иерархии, социовирусные атаки и т.п.

Поэтому интересен как раз тот вид социологической проблематизации, который поддается верификации и анализу, пусть и непривычным образом, и следствия которого можно внятно наблюдать, — мы и наблюдаем радикальный инновационный процесс в различных странах: в том числе, нарастание хаоса и становление нового класса.

Действительно, в разных местах Земли процесс этот протекает по-разному. В США — одним образом, в Западной Европе — другим, в Третьем мире — третьим. Но речь идет о некоей взаимосвязанной и фундаментальной тектонике, производящей серьезные изменения искусственной среды обитания, всей материальной культуры общества. Мы ищем плодотворный подход к той сумме изменений, которые привыкли сваливать в одну кучу под эгидой и несколько затрепавшимся за последние десятилетия ярлыком постиндустриального общества. Но стремительные изменения в мироустройстве, экономике, политической культуре и дерзкие социальные проекты (пост)современности указывают на определенный и немалый дефицит понимания происходящего.

Сталкиваясь между собой, новые феномены и прежние тенденции выстраивают оригинальные комбинации и социоконструкции — пеструю социальную множественность. Эти траектории, в ко-

нечном счете, выводят к власти новую страту, соответствующую изменившемуся порядку вещей; страту, которая в состоянии как инициировать эти процессы, так и управлять ими. Вопрос — что это за страта?

Я бы суммировал последний, согласен, несколько метафорический пассаж еще более метафоричным образом: если вы занимаетесь, к примеру, серфингом, то не можете заниматься им там, где нет прибоя. А когда идет необычно большая волна, то используете момент, чтобы реализовать дерзновенный, быстрый проход в будущее. И если владеете искусством — к тому же не вы один, а некая группа — то занимаете нишу в будущем. А остальные ждут следующей волны либо изобретают паролод.

Владимир Хрустов: *Александр Иванович, я хочу лучше понять, кто есть объект обсуждения и изучения сегодня? Есть два разномасштабных субъекта. Первый — это та часть политического управляющего, сословия, класса, страты, которую называют меритократия. О ней Вы говорили в первую очередь? Или о том, что связано с трансформацией цивилизационной, трансформацией системы культурных ценностей, которые образуют специфику Постмодерна? Если мы говорим про культурную элиту этого слоя, наверное, она к меритократии не сводится. Вот для Вас субъектом или объектом исследования является культурная элита постмодерна, или, собственно, меритократия, которая в этих новых условиях хочет новыми средствами осуществлять политическое руководство этим новым постмодерновым миром?*

— Владимир Федорович, большая часть споров, как мне представляется, носит «семантический» характер: отсутствует общее понимание категориального аппарата. Постмодерн — слово как раз из той категории, которую я обозначил ранее как безразмерную; соответственно категория «культурная элита постмодерна» обладает теми же свойствами. По сути, это простая констатация появления некой социальной общности, социоструктуры, идущей на смену современности и обладающей собственным классовым распорядком. Модернити стремительно погружается в прошлое, уходит в небытие, а доминирующие высоты в глобальном сообществе занимает новая культура, которую мы называем пока социальным Постмодерном. Мы так ее определяем, не слишком-то понимая, что она собой представляет, однако пытаемся разобраться, хотя мнения о природе наступающего эона подчас прямо противоположны.

Предметное поле сегодняшнего дискурса — группы людей, тесно связанные с миром постиндустриального, постсовременного бытия, комбинации иерархических структур и сетевых коммуникаций, динамичный, проектный подход к реальности, с соответствующим интеллектуальным и техническим инструментарием. Энергичное племя оказывается актуальным персонажем именно в наши дни и обусловлено это системным, революционным обновлением среды, которое опять-таки есть результат усилий особой, хотя и чрезвычайно пестрой когорты человек. Данное сословие, оговорюсь еще раз, обладает собственными внутренними делениями и подразделениями, анализ которых — отдельная, все более интригующая тема. Нам же важно сегодня совершить лишь первый шаг в предугаданном направлении: осознать, какой именно слой становится гегемоном (пост)современности, планирующим формулу жизни и дальнейшую траекторию общественного бытия, высекающем действительные исторические искры, влияющие на условия существования остальных обитателей Земли.

Названия страты колеблются, в том числе в процессе ее кристаллизации: клирики, клерки, чиновники, партocrats, номенклатура, новый класс, управленцы, технократы, идеократы, меритократия... Меняется и внутреннее содержание терминов (категорий), точно так же, как в свое время *буржуазия*, *буржуа* означало всего лишь «жители города». Но и город в транзитной социальной среде утрачивает прежнее, господствующее положение, становясь Гипергородом или Глобальным градом взаимопроницающих трансграничных и виртуальных пространств, смешением ландшафтов и интерьеров постиндустриального, постсовременного космоса.

Наконец, в выступлении я не делал особого акцента на моральной подоплеке происходящего и ценностной иерархии грядущего мира, но исследовал, скорее, логику действий и прямые причины появления на свет инициаторов и агентов перемен. Субъекты есть инициаторы, они знают, что планируют, агенты же действуют, однако далеко не всегда осознают последствия собственных акций и общий сценарный замысел. Меритократия в таком случае — просто привычный обобщающий ярлык. Мы ведь, действительно, практически не говорили о системе ценностей, которая будет господствовать в Новом мире: скорее, о природе социальных механизмов, да и то вскользь... Впрочем, темы мироположения и ценностных основ грядущей генерации я отчасти касался в работе «Неопознанная культура» (опубликованной в 2002 году в журнале «Новый мир» №9 под заглавием «Трансмутация истории»). И связывал там эту тему с возрождением гностицизма.

Виталий Лейбин: *Я позволю себе задать последний вопрос. Я не понял, нахожусь ли сам в интеллектуальном классе, потому что не понял, что это за субъект такой, если это субъект? И почему это класс, я так и не понял. И что за смысл есть у этого определения? Они вроде управляют смыслами, а какой смысл*

у них? Что они сами собой представляют? В чем их субъектность, их цели? И, главное, какое отношение ко всему этому имела прозвучавшая в начале лекции критика товарища...?

— Что касается первой части вопроса, то за совершенной скудостью регламента отвечу любимой фразой братьев Стругацких — «это будет уже совсем другая история». Хотя, если говорить точнее, это явилось бы возвращением к началу сегодняшнего вечера: по моему ощущению мы прошли сквозь своего рода лабиринт, проиграв несколько раз мелодию «вечного возвращения» — рассматривая под различными углами зрения, в общем-то, один взаимосвязанный, но не всегда адекватно прочитываемый набор тезисов. В итоге ответы на вопросы заняли больше времени, чем само выступление. Остаётся надеяться, что нить Ариадны не была при этом утрачена. Что же касается Минотавра...

Поскольку полемичная компонента в начале выступления, действительно, присутствовала, о ней скажу кратко следующее: конечно же, я хотел обозначить актуальность темы, о которой собирался говорить. Мне было важно отметить глубину конфликта, который происходит не просто между держателями ресурсов, но между различными социальными стратами, проявляясь в столкновениях старого и нового класса. Но хотелось бы также указать на процесс вечного борения человечества, его полемики, схватки с самим собою, с собственным несовершенным естеством, продемонстрировать истоки и «онтологичность» перманентной исторической революции, вечного обновления в условиях которого, в сущности, живет человечество, колеблемое собственными страстями, постоянно раздираемое между добром и злом. В идеале государство — *тело* свободы, оно призвано ограждать народ от проявлений зла (извне и изнутри), мешающих обрести крылья этой онтологичной для человека свободе, прикоснуться к естественной среде его изначальной экзистенции.

Поймите правильно, истинная глобальная революция не есть нечто, что происходит «везде и нигде», но напротив — то, что творится каждодневно, лично, персонально.

Зайдите, кстати, на наш сайт www.intelros.ru, там люди играют в российскую национальную игру (которая достаточно тривиально называется — «*Бархатный пасьянс*»), меланхолично выбирая и раскладывая нечто из чего-то. Есть там свои «масти» «*Путин и его команда*», «*Преемники гнезда*», «*Разноцветная оппозиция*», «*Другая власть*». В общем, — колода карт. Какое отношение ко всему этому имеет обозначенная выше критика? Цинизм подчас хуже самого преступления. Нельзя политическую силу, тем более население страны воспринимать как угнетаемое сословие, как стадо либо детский сад, а оппозицию как инкубатор идей и кадров для власть предержащих. Сколь наивно это ни прозвучит, но базовые человеческие ценности: справедливость, честь, добро, сострадание есть эманации могучего существа, которое рано или поздно проявляется на исторической сцене и порою весьма сурово расправляется с господствующей культурой, а заодно и с властной генерацией.

В Декларации независимости США записаны удивительные слова совсем не о лимите на революции, но напротив: не только о *праве*, но и об *обязанности* граждан при определенных условиях на таковую. Не примите мои слова за призыв к оной (ибо там речь идет о праве народа на «свержение»), но задумайтесь о фундаментальных основаниях и внутренних обоснованиях этого права. И вспомните о тех людях, которые создавали историю, вполне осознавая свою ответственность за нее.

Еще раз благодарю за внимание.

ЛОКОМОТИВ ПОСТМОДЕРНА, ИЛИ «ТЕРРИТОРИЯ ТЬМЫ»

Выступление 6.04.2005 на круглом столе, посвященном обсуждению работы Дж. Арриги «Динамика кризиса гегемонии»¹ и проблемам трансформации мироустройства. Сокращенную версию см. в журнале «Свободная мысль — XXI» 2005, №5. Публикуется расширенный текст выступления.

Модернити, представленная США и другими развитыми демократиями, осталась доминирующей силой в мировой политике, а институты, олицетворяющие западные принципы свободы и равенства, продолжают распространяться по всему миру. Атаки 11 сентября — удар отчаяния против современного мира, который представляется скоростным локомотивом (модернити) тем, кто не хочет на него попасть.

Френсис Фукуяма

Выступая, практически, в заключение дискуссии, лучше видишь палитру мнений и понимаешь, чего, собственно, на твой вкус в ней недостает. Однако прежде чем перейти к основной проблеме, хочу высказать замечание по затронутой в ходе обсуждения теме Киргизии.

Во всяком безумии есть своя логика. Я не думаю, что все происходившее в стране можно свести, как здесь прозвучало, к пароксизму хаоса и погрома, инициированному наркодельцами. Да, есть ошский клан, да есть интересы наркотрафика, да есть нищее население. Но с некоторого расстояния киргизскую ситуацию, по-моему, нельзя рассматривать, скажем, вне американо-китайского стратегического контекста, актуальных военно-политических схем и противоречий, ибо страна — ключ к Синьдзян-Уйгурскому направлению, а последнее — в одной из версий будущей истории (пространстве реализации целей и задач стратегического планирования) — может сыграть роль своего рода «китайской Чечни». Киргизия — краеугольный камень, передовой плацдарм в непростой точке мира. Иначе говоря, происходившее там, вполне имеет право на логическое, рациональное объяснение в рамке современной политики или политик.

Но собрались мы все же по иному поводу: дабы обсудить статью профессора Университета Дж. Гопкинса Джованни Арриги «Динамика кризиса гегемонии», а также проблемы и перспективы, связанные с происходящей на планете стремительной трансформацией политико-экономического мироустройства, формированием нового вектор социального развития. В сегодняшних высказываниях о работе профессора Арриги уже прозвучало выражение «академическая статья». Наверное, имелось в виду, что в обсуждаемой работе смешаны в некий академический коктейль Маркс, Бродель и актуальные рассуждения на тему возводимой глобальной «американской империи». Откровенно говоря, для меня обсуждаемый труд все же скорее университетская статья, поскольку в ней предпринята попытка сконструировать из вышеперечисленных элементов пропедевтическую рамку. Которая местами, однако же, вызывает ощущение «узкого пиджачка».

В подтверждение подобной характеристики я бы сослался, во-первых, на определенный семантический сдвиг, который прослеживается в применении центрального для работы понятия «ге-

¹ Джованни Аррига. Динамика кризиса гегемонии // Свободная мысль — XXI. 2005, №1. — С.4–20.

гемония», вынесенного к тому же в заглавие статьи. Другими словами, данная категория по ходу статьи трактуется неоднозначно и порою различным образом. Если я правильно прочитал текст автора, то вначале он, вполне в традиции итальянской мысли, понимает гегемонию как историческое лидерство, как успешную преадаптацию к будущей реальности (так сказать, искусство и практику исторического авангардизма). Или же, говоря то же самое, но другими словами, — гегемон понимается профессором Арригой в качестве доминирующего субъекта исторического сценария, обнаружившего и «приватизировавшего» на время кардинальную пульсацию общества, оседлав, таким образом, вектор социального развития. Но вот в конце работы автор переходит к несколько иной и более привычной: скажем так, англосаксонской трактовке понятия *политической* (если не прямо *государственной*) гегемонии.

Тем не менее, вполне определенная логика в повествовании, конечно же, присутствует. Мне вообще нравятся «большие сюжеты», хотя в данном случае — и это второе критическое замечание по существу работы — форма здесь, возможно, избыточно доминирует над содержанием, а сравнение исторических феноменов над процессом их постижения, над познанием причин эти феномены порождающие.

Это принципиальный момент. Сила научного дискурса лежит все-таки преимущественно в сфере аналитического мышления, в исследовании оригинального содержания феномена, в осознании «процесса брожения, секретов превращения сока в вино». Задача заключается в проникновении в суть предмета, в познании закономерностей внутренних процедур и логики изменений, а не просто — в сравнении рядоположенных систем/феноменов и констатации тех или иных их различий. Иначе говоря, номенклатурные («нозологические») клетки могут быть достаточно четко прочерчены, однако их генетическая связь, внутреннее сопряжение, стимулы развития, формулы мутации и разнообразные исторические трансгрессии поняты заметно слабее.

Сопоставление — «шкала изменений» — нередко оказывается в явном, либо скрытом плену существующих моделей, концепций, и ведет оно к концентрации внимания на аналогичном, подобном, сравнивая новизну с явлениями, принадлежащими прошлому с целью регистрации изменившегося состояния вещей. Но вот что касается причин этих изменений — тут возникают барьеры. Тем самым, быть может, незаметно для самого ученого, происходит возвышение, поднятие на щит цикличности, либо ее модифицированных подобий (включая и квазицикличность). К тому же от регистрирующего взора подчас ускользают принципиально новые феномены, их подчас не вполне достроенные футуристические комбинации, еще не ставшие частью осмысленной обыденности.

Исследователь, избравший подобный путь, стремится скорее понять прошлое, нежели узреть будущее; данный стиль познания, фактически, отодвигает на второй план постижение самих механизмов трансформации истории. В интеллектуальных штудиях профессора Арриги, на мой взгляд, заметны признаки такого подхода, оставляющие ощущение избыточного внимания к каталогизации феноменов и операций с ними, совершаемых в рамках аналогового мышления.

И, тем не менее, сюжет величественен. Речь, в сущности, идет о социальной архитектонике последнего пятисотлетия истории. В качестве же маргиналии на тему цикличности я бы отметил на полях, что таинственным фактом двухтысячелетней истории нашей цивилизации для меня является достаточно внятное ее деление на пятисотлетия («квинтиумы»). Я не нахожу этому никакого рационального обоснования и принимаю просто как эмпирическую данность, но сегодня речь не об этом. Кстати, можно ли из этого наблюдения сделать вывод, что история является периодической или тем более циклической системой? Думаю, вряд ли. Структурность, цикличность и периодичность — различные понятия, и именно долгосрочная непериодичность истории (хотя временами словно бы доказывающая обратное) является основой ее слабой предсказуемости.

Структурность же истории могла бы нам, в принципе, многое объяснить, если мы сумеем когда-либо осилить ее телеологические инициативы, ее целеполагание, смысл. Тогда становятся возможными рассуждения о целостной структуре истории, ее геноме, что, согласен, сближает историю в подобном понимании — т.е. включая «историю будущего» — с теологией. Равно, как и рассуждения о химерах и девиациях ее извилистого пути: здесь появляются некоторые основания для осмысления «археологии будущего», но это, конечно же, самостоятельная, весьма интригующая тема. А пока наш горизонт прогноза, несмотря на все усилия столь популярной одно время футурологии, еще весьма невелик.

Сегодняшний разговор идет о последнем «квинтиуме», его рамках, маршрутизации, феноменологии — об эпохе, когда сформировалась и развилась цивилизация Нового времени. Ее генезис, корни, истоки можно проследить даже несколько раньше, чуть ли не со времен Столетней войны,

по-своему инициировавшей формирование национальных государств. Затем своим чередом приходят Реформация, Контрреформация, потом — Тридцатилетняя война, Вестфальский мир, Просвещение. Все эти события объединены заметно иной логикой социального строительства в сравнении с предшествующим периодом истории: временем попыток возведения и удержания вселенского *Christiandom* — *Universum Christianum*.

Однако особенно актуально для нас — опять же в контексте настоящей дискуссии — осмысленные зарождения, развития, кризиса той системы социально-экономических отношений, которая получила название капитализма. Хотя на протяжении рассматриваемого периода данное понятие отчасти и выглядит новоязом, особенно, если сравнивать его с традицией употребления таких категорий как «третье сословие», бюргерство, буржуазия, капитал, да и капиталист.

В истории капитализма я вижу три логических шага. Первый связан, действительно, с торгово-финансовой фазой, будь то Генуя или Венеция, или торговые ярмарки в Шампани: главное, речь идет о капитализме по типу свободной коммерческой ассоциации, принимающей порою социальные (и даже социально-политические) формы. В финансовой же сфере эпоха породила своеобразные, экзотичные организмы: к примеру, «адские банки» (по выразительному определению их страстного критика Эзры Паунда), одно из ведущих мест среди которых принадлежало как раз генуэзскому Банку Святого Георгия. Банк еще в середине XV века получил в свое распоряжение сбор налогов, связанных с импортом, а затем, примерно столетие спустя, также и права практически на все налоги, включая возможность облагать таковыми даже имущество церкви. Финансовая деятельность в Генуе была, таким образом, предельно унифицирована и систематизирована.

Венцом логики торгово-финансового развития стала, как отмечает автор, действительно, Голландия, но венцом по-своему предсмертным, переходным, транзитным (передав историческую эстафету Великобритании), инерционная же траектория процесса привела, в конце концов, к созданию монстра Ост-Индской компании: со своим военным флотом, деньгами и другими атрибутами квазигосударственности. Это был пик свободной коммерческой ассоциации. И одновременно ее закат.

Ибо развившееся к тому времени национальное государство в свою очередь последовательно забирает у пассионарных коммерческих ассоциаций наиболее прибыльные, лакомые формы получения сверхприбыли: систему национального кредита, иные формы массового кредитования и других доходных финансовых операций, даже отчасти страхование, начинающийся выпуск ассигнаций. Более того, государство со временем монополизирует и отдельные виды торговой деятельности и т.п. Так возникала новая, по-своему кризисная для «третьего сословия» социально-экономическая ситуация. И пассионарный индивид — капиталист, как мы его называем, или «почтенная коллегия» (*private market*, действующий в рамках *public market*) — начал активно искать новую нишу практики, обеспечивающую устойчивое получение сверхприбыли. Таковой стала для него промышленная, индустриальная деятельность, переживавшая в те годы очевидный инновационный взлет, с лихвой оправдывая любые капиталовложения, покрывая ошибки и издержки, но, главное, устойчиво принося высокую прибыль.

Промышленная революция — достаточно сложное явление, ибо оно внутренне противоречиво: поскольку инновационный прогресс, как мне представляется, есть прямое следствие христианской (монотеистической, персоналистичной, целеустремленной) цивилизации, и в этом одно из ее принципиальных отличий от циклических, сбалансированных кодов развития прежних форм мировой культуры, негативно относящихся к изменениям так таковым. Что же касается капитализма, то он умело оседлал новую форму получения сверхприбыли, породив выразительный и плодотворный симбиоз, который зачастую прямо отождествлялся и продолжает отождествляться с капитализмом. Но симбиоз этот испытал серьезный кризис уже в первой трети XX века, плоды чего мы сейчас пожинаем, причем не только в экономической сфере.

Инновационный взрыв начала прошлого века, вкупе с конвейерным способом производства, сломали прежнюю экономическую систему, испытывавшую острый дисбаланс, ибо исчезло привычное соотношение спроса и предложения. В результате обрушившегося на мир материально-технического изобилия, были, в частности, подорваны позиции не только производителя, но и такого важного агента экономических операций, как платежеспособный потребитель, количество которых стало непропорционально мало по сравнению с открывшимися возможностями производства. Здесь исток интенсивного поиска новой социальной конструкции — поиска охватившего, практически, весь XX век, включая создание систем социального обеспечения, средний класс, продумывание концептов и реализацию принципиально иных систем распределения материальных ценностей в обществе. А также причина развернувшейся борьбы за глобальную экспансию

товаров и капитала, прямо сопряженной с идеей сокрушения прежней «зональной глобализации», т.е. сложной системы таможенных и иных имперских барьеров. И возникшая, буквально императивная, необходимость слома начал прежней культуры, дабы возвести на ее обломках новую социальную конструкцию: общество массового потребления.

Наконец, на протяжении всего столетия, а точнее ближе к его последней трети, на планете формируется контур новой, целостной капиталистической гегемонии — геоэкономической...

Подведем предварительные итоги, первая форма (город-ассоциация) — поддерживает и развивает торгово-финансовый капитализм. Вторая (национальное государство) — протезирует промышленному капитализму. А третья форма, чьим стержнем и является глобальная регулирующая держава (как, если не ошибаюсь, охарактеризовал США года три назад, будучи еще госсекретарем, Колин Пауэлл) — это геоэкономический универсум, замысел и система реализации идеи тотального контроля над мировыми финансовыми и ресурсными потоками с поддержанием их определенной и устойчивой геометрии.

Каждому этапу соответствует своя форма социального устройства. При перечислении основных исторических форм капитализма я их уже пунктирно обозначил, но попробуем поговорить на эту тему несколько подробнее.

Итак, первой фазе капитализма соответствует свободная коммерческая ассоциация, своеобразная социально-экономическая (подчас с элементами политической организации) корпорация — в том числе, к примеру, в виде города. Следует подчеркнуть, что собственно «город», т.е. непосредственное городское пространство, играет достаточно условную роль для географии пространства олигархической власти. Речь идет скорее о размытой провинции, в большинстве своем тем или иным образом контролирующей колоссальные пространства (включая зависимые территории, эксклавы, колонии и полуколонии, фактории и т.п.): это, к примеру, Венеция в средиземноморском, да и не только, пространстве, генуэзцы в Крыму, Новгород, территории которого уходили за Уральский хребет и т.д. То есть все эти образования не сводились к современному пониманию города, но не были они и государством в смысле европейского национального государства.

Затем, окончательно сформировавшись, уже национальное государство начинает простраивать собственную экономическую и политическую инфраструктуру и социокультурное целенаправление, снимая феодальные таможенные запреты, централизуя налоги. И постепенно создает пространство для иной формы социально-экономической организации: глобального экономического фритредерства, шаг за шагом начинающего обживать и по-своему обустривать Глобальный Град без таможенных и иных барьеров, мир *тотальной экономической глобализации*.

США на сегодняшний день вряд ли можно просто назвать национальным государством по слишком многим причинам. Это очевидно. Но не являются они и империей в прежнем, «классическом» понимании. Это инновационное социальное образование, народившаяся историческая форма общественного устройства, для которой у нас нет адекватного определения: история обогнала тут умы.

Наконец, венец сегодняшнего разговора — вынесенный в название темы — *гегемония*. Но для меня более важна и релевантна рассматриваемым процессам гегемония социальная и даже классовая, гегемония в понимании Антонио Грамши и в каком-то смысле — лидеров и членов Франкфуртской школы. Потому что именно социальная гегемония, в конечном счете, продуцирует и покрывает собою все остальные виды гегемоний. И ведет не просто отчаянную борьбу за обладание ими — она создает, *порождает* их, являясь не столько агентом, сколько субъектом исторического творчества, ибо речь у нас идет не о мире природы, а о пространстве человеческих отношений, о мире *практики*.

Социальная реальность просто-напросто в какой-то момент позиционирует экономистичность как очевидный и, на первый взгляд, доминирующий инструмент социального творчества, но так было не всегда, и не всегда будет. История порождает своих любимчиков и чудовищ, но точно так же она равнодушно поглощает и исторгает их в определенный момент. Другими словами, экономистичность — как представляется, достаточно вторичный признак грядущей цивилизации. Наблюдаемая гиперактивность в данной сфере, возможно, есть симптом беспокойства, кризисности и фрустрации.

Само рождение и реализация геоэкономического универсума есть, в определенном смысле, сворачивание инновационного вектора, всей экономической практики в оптимизационную дугу, а с какого-то момента, не исключено, и в глобальную мобилизационную конструкцию. Дальнейшее развитие подобного универсума никак не может осуществляться по линейным модернизационным схемам. Ведь уже в коммунистических и фашистских режимах, возникавших в свое время

на руинах, опустошенной мировой войной Европы, просматривались эскизы и тенденции именно универсалистской немодернизационной конструкции нового типа с явственным идеократическим структурированием власти и общества. Для краткости изложения этой, в общем-то, непростой, системной коллизии, связанной определенным образом с историческим изменением позиций «третьего сословия», сошлюсь на свою книгу, отчасти посвященную данному вопросу: «*Люди воздуха, или кто строит мир?*».

В пространствах экономики возникает и другая новаторская ситуация, связанная со все более существенным преобладанием нематериальных активов над активами физическими. Параллельно утверждаются новые виды капитала, которые по инерции оцениваются (могут оцениваться) также в финансовых категориях, но, во-первых, весьма произвольно и условно, а, во-вторых, это ни что иное, как отрывка той же экономистичности. Я имею в виду символический, социальный, человеческий, интеллектуальный, культурный капиталы, иные виды нематериальных активов. Но капиталами они называются, в общем-то, по инерции и еще — из-за отсутствия соответствующего категориального аппарата, новой теории. Речь тем временем идет о выстраивании на планете инновационной социоконструкции во всей полноте, нового исторического эона, со всеми присущими атрибутами — политическими, экономическими, культурными — причем в радикально ином их прочтении. Сегодня *властвовать* — значит лидировать в индустрии производства идей и смыслов.

Я подвожу изложение к центральному тезису, ибо в рассматриваемой статье на деле поставлена именно проблема фундаментального сдвига (сдвигов) исторического порядка. И время завершения очередной исторической мутации, судя по ряду признаков, приближается. Дело на этот раз, однако, не в том, что США будут оттеснены очередным географически локализуемым гегемоном. Можно предположить, что новый социальный гегемон исходит или, условно говоря, *эманурует себя* (если упрощать проблему) из самих Соединенных Штатов — в том смысле, в каком весь Новый Север есть транснациональное пространство элит, генетически сопряженное с северо-атлантическим регионом, но имеющее иное целеполагание. Именно здесь на транснациональных полянах и возникает очередной исторический призрак, неуловимый до поры оппонент, *действующий из будущего*. Вот почему для меня центральным тезисом является понятие социальной гегемонии и ее трансформации, которая сопряжена с появлением нового класса, в данном случае *нового интеллектуального класса*, хотя, наверное, это не самое точное название данного стратегического субъекта действия.

Новый интеллектуальный класс — непосредственная производительная сила наших дней, совокупность людей, создающих нематериальные ресурсы и управляющих ими. Они строят собственный призрачный, подвижный социокосмос — пространство релевантной им практики, в пространствах которой реализуются их пороки и добродетели, обнаруживается мировоззрение и естество.

Таким образом, если вести речь о наиболее значительных разногласиях со статьей, то я бы выделил, скажем, не столько обсуждавшуюся в ходе дискуссии тему адекватной/неадекватной заработной платы или регулярно повторяющегося финансового надлома гегемонии, сколько тезис о дезорганизации и поражении сил, вышедших на социальную арену в 1960/1970-х годах, о якобы произошедшем их стратегическом поражении, провале. Я вижу данную ситуацию совершенно иначе. 1960/1970-е годы — социальный взрыв, предсказанный обозначенными ранее мыслителями, выход на поверхность мощного процесса, уже на первом этапе переломившего, словно сухую ветку, ту самую «протестантскую этику», на которой держалась не просто прежняя система потребления (что, впрочем, достаточно важно), но зиждилась вся пятисотлетняя культурная платформа Старого мира.

В наши дни мы воспринимаем историю как движение, более того, как движение поступательное и переходный процесс, как становление новых форм бытия, привычно называя это прогрессом. Иными словами, следуя за идеалами Просвещения, мы априорно признаем за историей благую телеологичность. Но так было далеко не всегда. И, возможно, не всегда будет нормой мировосприятия. К тому же телеологичность и прогресс — схожие, однако совсем не тождественные понятия.

Мощный контр-локомотив Постмодерна (предстоящий в весьма различных обликах — чем-то напоминая химеричный паровоз безумного профессора-гения из очередной серии «Назад, в будущее») набирает темп. Новый исторический гегемон, создающий нематериальные активы и умело управляющий ими, готовится к полноценной социальной и политической реализации. Иначе говоря, протестантский «квинтиум», в пределах которого развивалась секулярная, индустриальная

цивилизация Модернити, некогда породил в себе контробщество, зачатки социоконструкции, с культурной ориентацией, заметно отличной от прежней. И то, что мы сейчас воспринимаем как социальный хаос, охватывающий планету, — скорее всего, мера нашего невежества относительно разворачивающихся процессов, поступательных сил и всей совокупности открывающихся путей истории.

Исследователи хаососложности за последние двадцать-тридцать лет обнаружили много интересного, заглянув за горизонт привычной логики, прежней рациональности и стереотипизированного порядка вещей. Оказалось, что турбулентность, динамический хаос, диссипативные структуры, бифуркации, фракталы, фазовое пространство, аттракторы — все это непростое, запутанное хозяйство — имеет практический смысл, в том числе для социальных наук. И что еще важнее — для социальной практики, хотя это, наверное, другая тема. Но все-таки скажу несколько слов и по данному поводу.

Под хаосом мы обычно (житейски) понимаем любой предельный беспорядок. И только. Однако хаос хаосу рознь, не будем сейчас входить в детали, но именно из «хаотизации организации» рождаются новые конструкции, «новый порядок». В обсуждаемой статье много говорится о неравновесности (в том числе финансовой неравновесности) как признаке конца, но дело в том, что неравновесность и устойчивость — понятия, которые не противоречат друг другу. Неравновесные конструкции могут быть устойчивыми. И если уж на то пошло, то в нашем случае речь как раз идет о том, что в мире возникает подобная глобальная неравновесная, но устойчивая (диссипативная) социоконструкция.

Да, США развернули колоссальную борьбу за гегемонию. Да, конечно, в мире продолжают действовать прежние политические и государственные интенции. Да, по-прежнему формируются и воплощаются стратегические национальные и цивилизационные проекты. Скажем, то, что обозначено ярлыком «Новая Европа» или «глобальная демократическая революция», или «Халифат», или «Большой Китай». Другими словами, политическая гегемония США, назревающий конфликт или даже маловероятный на первый взгляд стратегический союз части элит с Китаем — социальная реальность. Ее никто не отменял. Но смысл того, о чем идет речь, — лишь один из этажей этой реальности, есть, однако, и другие.

В качестве более-менее уместной ремарки я бы обратил внимание именно на определенные стратегические соглашения, которые заключатся между элитами различных влиятельных сил современности. Прежние элитные организованности в меняющейся среде переживают кризис национальной корпоративности, раскалываются, создают трансграничные коалиции, своего рода «астероидные группы», прежних «планетарных» организмов. Короче говоря, формируется социокосмос, который снижает актуальность прежних, государственных форм социальной организации. Мы, в сущности, только что это и обсуждали: будь то свободная коммерческая ассоциация, город-государство, национальное государство или становящаяся империя-интегрция в том смысле и образе, в каком сейчас ее демонстрируют нам США.

Процесс разворачивается в контексте борьбы и стратегических соглашений элит. Ирония же истории заключается в том, что искомая в течение всей второй половины прошлого века «конвергенция» в определенном смысле состоялась, однако не в ожидаемой обществом форме, не в слиянии социальных систем или национальных государств, а, скорее, как прямая конвергенция элит. И даже, точнее, ее групп и отдельных представителей. (Любопытно, кстати, взглянуть с этой позиции на события недавней российской истории — к примеру, кануна перестройки, да и самой перестройки.) Причем, происходило все это при умножающихся признаках раскола прежних национальных элитных корпораций, — тут я сослался бы, скажем, на возрастающую конфронтацию демократической и республиканской партий США за смысл и образ будущего (хотя это, конечно же, не самый яркий пример раскола элит).

Модернити цепко держится за принадлежащие уходящей эпохе землю и небо. Однако социальное время — принадлежность практики, которая в свою очередь зависит от человеческих усилий, гения, таланта, дара. Поэтому, когда талантливые люди занимаются воплощением некой стратегии, то, конечно, социальное время «как гармошку» можно растягивать, как в ту, так и в другую сторону, вопрос лишь до каких пределов.

Заканчивая свое, несколько затянувшееся выступление, попытаюсь резюмировать генеральную позицию профессора Джованни Арриги, как я ее понимаю. В работе присутствуют две темы — *историософская* и *политико-экономическая*. И если вести речь с историософской позиции (выводя при этом многое за скобку), то, сколько ни растягивай исторические сроки эона Модернити, сколь ни борись за создание системы глобальной демократической революции, все закон-

чится в лучшем случае созданием системы глобального контроля (да это, в общем, хорошо осознается и служит руководством к действию). Другими словами, та политическая методология, которая создавалась в русле борьбы за универсум Модернити, существующий под эгидой интеграции-империи США, подвергаясь перманентным мутациям, оказывается языком новой политической генерации и нового социального гегемона с его стратегией «управляемого хаоса». Стратегией, которая в значительной мере *выглядит* как хаос, но, по сути, является инновационной системой действий, не слишком внятной для предыдущей политической генерации.

Поэтому все чаще приходится слышать о мистифицированном или даже прямо анонимном противнике, который не укладывается в прокрустово ложе прежних методологических схем, плохо прочитывается или не прочитывается совсем на языке прежних политических текстов. И порою определяется различными исследователями прямо противоположным образом. События 11 сентября 2001 года хороший пример на эту тему, поскольку, практически, все что угодно можно высказывать по данному поводу, и произнесенные тезисы — порой прямо противоречащие друг другу — воспринимаются как истина (либо максимально возможное приближение к ней) определенным сегментом аудитории.

Иначе говоря, распространяющаяся всеядность, амбивалентность, мифотворчество как раз и являются признаком того, что мы имеем дело с совершенно новым, неопознанным социальным объектом, для которого на сегодняшний день нет, не то чтобы семантики — она-то как раз просматривается сквозь умножающиеся прорехи прежних ментальных систем. Нет, пожалуй, все-таки остро не хватает другого: отсутствует, если угодно, *квалифицирующая (квалификационная, нормативная, категориальная) лексика* и нам как древним грекам, первохристианам или первопроходцам Нового времени приходится вновь создавать категории, понятия и слова.

ВОПРОСЫ

Валентина Федотова. *А ими, «с той стороны», она прочитывается как стратегия с ясными целями?*

Мне кажется, сегодня речь, в общем-то, идет не о стратегических замыслах и не о состязании мировых проектов, но скорее о картографии новизны, плавно перетекая в разговор о кризисе «академических» социальных наук, их универсальном уплощении, смысловом и логическом тупике, и, наконец, субкультурном перерождении.

Какая-то социальная картография, отвечающая существенным чертам новой реальности, по всей видимости, выстраивается и применяется на практике. Именно на ее основе решаются актуальные и стратегические задачи умелыми игроками, строятся долгосрочные проекты. Не сомневаюсь, что все это совершается в атмосфере жесточайших споров и в значительной мере, подчас, на основе не вполне апробированных инновационных методик (а то и просто — профессиональной интуиции), о которых сегодня лишь вскользь упоминалось, приводящих, однако же, к реальному определению практических параметров и механики крупномасштабных акций. А параллельно — к созданию вороха стратегических и оперативно-тактических заготовок, отодвинутых по тем или иным причинам в сторону, но не сброшенных со стола, а лишь временно положенных на полку. И случается, все-таки апробируемых в ходе той или иной региональной «разведки боем».

Определенные сегменты этих инновационных разделов социальных наук, тесно связанные с практикой — как в Средневековье часть наук естественных (и оккультных) — приобретают в наши дни своеобразный квазиэзотерический характер, будучи запечатаны грифами секретности и подписками о неразглашении.

Итак, в картографии происходящих на планете событий прочитываются, скорее, отдельные элементы семантики, те или иные их сущностные характеристики, возможно, общая структурность и принципиальная система связей, нежели просматривается весьма специфическая синтактика: сама отлаженная технология или постигается иной по отношению к предшествующим достижениям социальной мысли категориальный аппарат. Лексика же просто заполняет образующиеся разрывы, она все чаще рождается, если так можно выразится *ad hoc*: к примеру, «амбициозная корпорация» — для того, чтобы как-то обозначить сопрягающиеся пучки амбиций, лиц, преследующих не только экономические, но и политические, и идеологические, и культурные цели. Или пресловутые «астероидные группы». Или «диффузные войны».

Потому что, если взглядеться пристальнее в саму феноменологию обсуждаемой статьи и особенно в ее контекст, то увидим: на планете в некотором смысле происходит как раз возврат к глобальной и дискретной (дисперсной) свободной ассоциации, «Новой Лапутании». Но если корпо-

рация города-государства была ограничена в своих политических возможностях большими политическими бегемотами и левиафанами, которые время от времени топтали и давили ее (когда имели такую возможность или когда это было им выгодно), то сейчас, в условиях глобализации, амбициозная корпорация вновь превращается в целеустремленную свободную ассоциацию, получив транснациональный театр действий. Незанятую никем строительную площадку, где «люди воздуха» вычерчивают и обустривают собственный Новый Свет, создают для него политическую философию и пишут конституцию — и все это делается для реализации новой истории, наполненной не вполне ясными, но явно дерзновенными замыслами и амбициями.

Вадим Цымбурский. *Это те же генуэзцы Филиппа II на новом витке?*

Да, если угодно. Но это именно новый виток, потому что здесь, при сохранении некоторых типологических особенностей, снята масса прежних ограничений. «Власть без государства» — пережив собственную эпоху трансгеографических открытий — увидела, наконец, свой радужный горизонт и Глобальный Град.

Другими словами прошли и канули в Лету те несколько сот лет, когда свободную ассоциацию подавляли политические организмы государственного типа. Сейчас давление ослабевает, не скажу, что снимается. Я ведь говорю не о том, что национальное государство исчезает и возникает аморфная транснациональная среда. Но что помимо прежней, хорошо знакомой национальной государственности на планете возникает новая политическая гегемония как раз в том смысле, который затронут на заключительных страницах статьи.

То есть национальное государство сохраняется, примерно так же, как сохраняются людоеды на Новой Гвинее или обитают в наши дни племена дикарей в бассейне Амазонки, причем они вполне самодостаточны и автаркичны. Но помимо политической реальности Модернити возникает нависающее над ней транснациональное поле, которое генерирует уже собственные социальные конструкты. Эти конструкты подчиняются иной логике и должны анализироваться с других позиций, используя собственный категориальный аппарат, разработка которого должен стать актуальной задачей социальных исследований. В истории происходит переломный момент, возникает Новый мир, рождается новый социальный гегемон. И этот исторический текст мы только начинаем сколь либо связно читать.

Россия же, оказавшись волею своих правителей и мировых судеб вовлеченной в водоворот всех этих новаций, феноменов и проектов, решила, кажется, продемонстрировать миру «московские каникулы», отстранившись от великой борьбы за будущее, погрузившись в текущие политические интриги и, кажется, вполне удовлетворилась перманентными «разборками» российских авгиевых конюшен.

В сегодняшнем разговоре хотелось бы коснуться еще одной темы. В политике, равно как и в политологии распространилось понятие «управляемого хаоса». Действительно, управляемый хаос есть одна из форм управления, наряду с такими как скажем, управление рефлексивное, косвенное, деструктивное, матричное и т.п. Для меня, однако, интригующая новация — не столько понятие *управляемого хаоса*, но гораздо более гибкая и выглядящая внешне спонтанной система хаоса *управляющего*. Эта квазиспонтанность действий очень гибких структур на деле подчинена нелинейной, отчасти метафизической логике, где решения принимаются, руководствуясь иной рациональностью (феномен, весьма близкий понятию *serendipity*).

Это тоже хаос, имеющий, однако, не только *внутреннюю структурность*, но и *собственную субъектность*, организующий действия прежних малоподвижных организмов руководствуясь нелинейной логикой в транзитной, чуть ли не фазовой среде, где каждая минута, каждая личность — это шанс. Попытки же анализа меняющейся социальной ситуации с точки зрения ментальности прежних институтов и категорий оставляют ощущение неразрешимой загадки, рождая антимонии, химеры, мифологемы и т. д. Надеюсь, я не слишком уклонился от темы, по крайней мере, в части разговора о проблемах и перспективах нынешнего мироустройства.

Вадим Цымбурский. *Вот этот новый мир, о котором Вы говорите. Совершенно ясно, что он надстроен, в конечном счете, над военной силовой мощью США. И все эти люди режутся и существуют в рамках определенного силового порядка, утверждаемого вокруг гегемонии США. Но в случае оползания этой гегемонии, что ждет этот порядок, о котором Вы говорите?*

Вопрос явно возрождает дилемму, о которой шла речь в начале дискуссии, т.е. когда разговор шел о естественном разделении прогнозирования на два типа: (а) один, который поддается рациональному анализу, пусть и со множеством оговорок (вспомним Теодора Адорно с его «Негатив-

ной диалектикой» и «новой рациональностью») и (б) другой, который, в сущности, представляет собою особый вид импрессионистического интеллектуального творчества, назовем его «сценирование». Кажется, наш разговор сейчас балансирует как раз на этой грани.

И вновь поднимает тему телеологичности истории. Человечество последние десятилетия активно пытается обрести рациональную типологию долгосрочного, внеинерционного — нелинейного прогнозирования/планирования. И в то же время мы словно бы входим в мир «фазового пространства», где проектирование истории, «активное представление будущего» становится во все возрастающей степени гуманитарной дисциплиной, все более завися от планов и проектов энергичных сообществ «людей воздуха», реализующих битву за будущее существенно иными методами. Говоря другими словами, мы выходим за пределы сциентистской, линейной логики Модернити, а также тесно связанных с нею форм интеллектуальной рефлексии, категорий, дисциплин, стереотипов, а заодно и сложившихся норм социального поведения, привычно ассоциируемых с цивилизацией.

Заманчиво, конечно, предположить, что новая социальная конструкция будет возводиться, основываясь на уже имеющихся ресурсах, используя, надстраивая и развивая их потенциал; на ресурсах, собранных буржуазией, на возведенных ею социальных и политико-экономических конструкциях, наиболее мощной из которых являются США. Но, по крайней мере, потенциально, также вероятно использование и других, причем, весьма экзотичных по современным меркам социоконструктов, рождающихся и кристаллизующихся в симбиотических конвергенциях разнообразных (в том числе неевропейских) культур и элит.

Также потенциально возможно развитие глобальной кризисной ситуации, или ее выразительных очагов. Собственно новые организованности в каком-то смысле и возникают в предчувствии системного распада. Иначе говоря, сверхгибкие организованности лучше всего приспособлены именно к ситуации вселенского кризиса, где прежняя логика действия, повсеместно признанные коды практики оказываются работать и становятся мало применимыми. Прежние социоконструкты, равно как и прилагаемые к ним инструкции по сборке превращаются в ворох деталей и карт.

В экономике также постепенно исчезает конструктивное начало, слишком мало на планете новых предметных полей действия, падает производительность капитала, исчезает средний класс, происходит расщепление мира, грозя социальным Чернобылем. Жизненные токи цивилизации истекают из экономики. Но куда, в какую область? Также и демографический статус планеты, по видимому, является одной из «горячих тем», в содержании которой могут произойти изменения. В последние годы множатся разнообразные *case*'ы биотеррористических инцидентов, эпидемий, «новых болезней», связанные преимущественно с регионом Юго-Восточной Азии и непосредственно с Китаем.

Радикальный же вариант трансформации социальных ценностей — скажем, легитимация в той или иной форме «культуры смерти», как совершенно иного прочтения траектории существования: уже не в качестве привычного карьерного вектора, но в виде эффективной и эффективной реализации единственного неотчуждаемого ресурса человека — его смерти. (Подробнее с данной темой можно ознакомиться в статье «*Культура смерти*».¹)

Если попытаться пунктирно очертить проблему — в нескольких словах — то *культура смерти* имеет в (пост)современном мире множество ипостасей и зародышей. Помимо подтекстов, зафиксированных в энциклике папы Иоанна Павла II, насколько мне известно, впервые употребившего этот термин («Евангелие жизни», 1995), наиболее очевидны растиражированные средствами массовой информации образы полностью обездоленных, вышвырнутых из истории миноритарных держателей акций «Корпорации Земля». Которые, обнаружив свой специфический ресурс, поняли, как минимум, одно: они также являются действующими актерами социального театра и включены в пространства транснациональных игр. Именно потому, что данный ресурс действительно неотчуждаем. То есть людей можно лишить всего, даже жизни: нельзя лишить одного — смерти, а ею человек порою в состоянии распорядиться по-своему. Что оказалось эффективным предприятием, причем, далеко не только для сырых и убогих.

Так, из разноцветного калейдоскопа сил, действующих на (пост)современном поле, творится единая мегамашина деструкции, обладающая неведомыми прежней цивилизации культурным и социальным горизонтом, совершенно иной иерархией ценностей.

В конце концов, амбициозность изначально амбивалентна по отношению к конструктивности. Персональная жизненная траектория может, конечно, толковаться и строиться исключительно как карьерная, — так априорно она сейчас и воспринимается, считаясь чуть ли не эталоном разумного поведения во времена торжества «веберовской» морали и одновременно принципов общества по-

требления. Но эффективно поданная и даже проданная, дорого, либо за гроши, смерть, — также амбициозная траектория, своего рода апофеоз жизни. Момент истины для личности тут определяет некий нестигаемый внутренний стержень: подсознательно принятая и «намертво» усвоенная индивидом шкала ценностей, базальтовая основа его мировоззрения.

Война, любая война — эскиз этой реальности, но терроризм точнее отражает ее природу. Мир еще не столкнулся с полноценным симбиозом войны и терроризма. Все разговоры на тему — конъюнктурная риторика, либо предчувствие беды. У Франкенштейна, о котором идет речь, иные параметры и свирепая сила, быстрота и размножение. Это будет массовая война гражданских лиц одновременно во всех точках мира.

Речь в таком случае, идет не просто о возможном распространении по планете культуры смерти, а о разрыхляемом матерыми «кротами истории», исполосованном диковинными механизмами полигоне «территории тьмы»: предместий пока еще неведомой человечеству, но постепенно мысленно постигаемой и прагматично, исходя из различных мотиваций, выстраиваемой — как вариант, как версия, как возможность — *цивилизации смерти*.

ИСТОРИЯ В (ПОСТ)СОВРЕМЕННОМ ИНТЕРЬЕРЕ*

В интервью Александра Неклессы анализируются нынешнее состояние цивилизации и те стремительные перемены, которые происходят в политической, экономической, правовой, культурной сфере, исследуются их механизмы, прослеживаются исторические корни. В центре внимания автора — как трансформация властных регуляций, так и динамика социальной ментальности, появление новых общественных корпораций и элитных групп, изменение всей сложившейся ранее номенклатуры мирового порядка. По мнению Неклессы, в настоящее время человечество пребывает в транзитной ситуации, когда на арене уже действует новый влиятельный социальный персонаж, и возникли элементы нового, постсовременного мира. Но и реалии эпохи Модернити еще присутствуют на исторической сцене. Затрагивается в интервью также современное состояние России-РФ, ее ретроспективы и горизонты.

1.

— *Александр Иванович, как бы Вы охарактеризовали сегодняшний интеллектуальный пейзаж в России?*

— Меня не оставляет ощущение интеллектуального и духовного оскудения, истощения России. И, прежде всего, дефицит остро ощутим в сфере государственного строительства, политической философии, стратегической мысли. Это, конечно же, не только мое ощущение. Всякий национальный организм, в конечном счете, опирается на некое смысловое, мировоззренческое обоснование своего существования. Вокруг такого ядра и концентрируются политика, экономика, все прочее. Если же гармония порушена, то случается то, что у нас и случилось. В России любят, по крайней мере, до недавнего времени любили, ссылаться на разбойничий период «первоначального накопления капитала», скажем, в Америке. Это иллюзия. Реально Соединенные Штаты проектировали и строили потомки тех особых людей, кто пересек океан на «Мейфлауэре» (что, впрочем, совсем не исключало практичности и прагматизма, просто *«тень должна знать свое место»*).

Немецкий социолог Карл Мангейм писал в свое время: *«существование элиты определяется не жаждой к власти отдельных индивидов, а общественной потребностью в исполнении стратегических функций особо квалифицированными людьми»*. Именно такой элитой, национальной корпорацией была вирджинская аристократия, и, в результате, родилась американская политическая философия, осмысленная когортой отцов-основателей, создавших не просто конституционное устройство очередного государства, но костяк социального организма, устремленного в будущее, проникнутого дерзновенным духом вселенского инновационного творчества. Как-то забывается, что социальное устройство Америки формировалось еще до Великой французской революции, в значительной мере повлияв на судьбы и Франции, и Европы, и, как мы видим сейчас, всего мира.

В качестве контрпримера приведу пример страны, вначале ее не называя. Есть в мире огромная территория, в геокультурном отношении принадлежащая Западу, населенная деятельными людьми и обладающая фантастической природой. Но вот в истории ее роль как-то несопоставима ни с ее размерами, ни с численностью населения... Речь идет об Австралии, государстве-континенте, — почему-то кажется, — имевшем шанс на создание собственного исторического проекта, но этого, однако, не произошло. В чем дело? Ответы могут различаться. Возможно, определенную роль сыграла как раз история заселения континента: уже не идеалистами-пуританами, видящими перед собою Богом данные пространства для созидания нового мира, но совершенно иной породой людей.

* © 2005, А.И. Неклесса

Очевидно, что сегодня в России нет никакого смыслового строительства, отсутствует и стратегическое планирование ее исторической, политической судьбы. Сплошь слышны разговоры о ВВП, экономических и административных реформах, выплатах/невыплатах денег бюджетникам и т. п. А если речь идет «о доблестях, о подвигах, о славе» — это всегда апелляции к прошлому, иногда весьма почтенному, и в прямом, и в переносном смысле слова. Вопрос тем временем становится злободневным — разговор все чаще заходит о самом праве: историческом, метафизическом, да просто о праве России на существование в качестве значимого и суверенного субъекта мирового концерта держав. Примеры приводить не буду, они с некоторых пор становятся все многочисленнее. Нельзя слишком долго жить на ренту, проживать наследство, гордиться прошлыми заслугами и строить благосостояние на сокровищах, которые кто-то зарыл на твоей земле.

Цивилизация наша имеет определенные мировоззренческие корни, сакральные тексты, на которых зиждутся, в конечном счете, ее претензии на существование в настоящем и право на будущее. Из Писания мы знаем: когда возникала критическая ситуация в том или ином народе ли, городе, — Бог обещал пощадить негодных, если Ему будет предъявлено некоторое, пусть минимальное число праведников. Сейчас это воспринимается как притча. Пусть так. Но остается вопрос: наберется ли в стране это минимальное число людей, которые могут оправдать бытие России в качестве суверенной, оригинальной державы, чье присутствие на планете обогащает других представителей рода человеческого?

Однако если подобное право обосновывается только прошлыми заслугами, безбрежными просторами, природными богатствами, а элита определяется лишь по близости к владению и управлению материальными ресурсами, то разговор ведется из совершенно иного культурного измерения, где отсутствует понимание необходимости государству иметь некую миссию, равно как и личности — предназначение. Коль скоро нужно образное сравнение, — представьте огромную яму, до краев заполненную водой, которая, ссылаясь на размер и наличие мокрой субстанции, мнит и представляет себя морем...

Последние годы я несколько неожиданно начал играть в своеобразную игру: просил приятелей и знакомых, а заодно и не слишком знакомых людей написать двенадцать фамилий россиян, которые могли бы сегодня, в XXI веке, предстать на подобном суде свидетелями защиты. Правда, в силу собственной профессиональной ориентации, я несколько сузил круг поиска. И поскольку обычно действие происходило во время различного рода интеллектуальных посиделок, то слово выбрал «мыслители» и просил сделать список 12 *мыслителей* современной России. Слово смущало. Никто не сумел составить полного списка, не прибегнув ко всякого рода оговоркам и весьма длительным паузам. А большинство останавливалось после нескольких дежурных фамилий.

Ситуация меня заинтриговала. И после декабрьских выборов 2003 года возник проект ИНТЕЛ-РОС («Интеллектуальная Россия»), целью которого являлось проведение комплексной экспертизы — рейтинга — «социо-гуманитарных мыслителей» страны: сразу же соглашусь, что выбрано было не лучшее словосочетание. Но хотелось ввести высокую планку — «мыслители», и одновременно ограничить разговор какой-то важной и вместе с тем внятной, конкретной сферой — в нашем случае теми людьми, которые размышляют (и публикуют свои мысли) о судьбах страны и мира на том историческом вираже, где застало нас и наших современников время. Сверхзадачей же проекта было восстановление связи или хотя бы контура связи социальной, политической философии и прагматики, столь извратившейся за последние десятилетия, породив, в конце концов, монстра, по имени «политтехнолог».

Результаты изысканий, поставленных уже на профессиональные рельсы, пока не слишком утешительны с точки зрения открывающейся картины. С результатами экспертизы, осуществленной в несколько тактов, каждый может, кстати, ознакомиться на официальном сайте Группы ИНТЕЛ-РОС. Там же размещены и «правила игры» — регламент проведения рейтинга, полный, поименный список членов Экспертного совета, иная сопутствующая информация.

С каждым новым кругом экспертизы мы стремимся усовершенствовать ее, оттачивая с помощью опытных социологов процедуру проведения. Речь сейчас уже идет не только о «колоде» признанных солистов в хоре. Последняя, еще только реализуемая версия опроса в значительной мере ориентирована непосредственно на создаваемые «здесь и сейчас» тексты, иначе говоря, опубликованные за последние неполные полтора года (2004-2005). Тут сказывается опыт перманентных столкновений с вьезшимися в сознание стереотипами и репутациями, принадлежащими скорее прошлому веку (это касается также весьма квалифицированных экспертов/номинантов, да в определенной мере и всех нас). Как-то одного известного в экспертном сообществе специалиста, выступавшего по телевидению, ведущий спросил о его трудах последних лет. Возникла неловкая пауза...

2.

— *Вы сказали о свершившемся интеллектуальном и духовном кризисе, или даже катастрофе, когда и как она произошла?*

— Если не говорить о том, что лежит на поверхности и обсуждается практически каждый день, то есть у меня гипотеза историософского свойства. Однако чтобы внятно объясниться, придется довольно далеко углубиться в историю, поднять планку и сменить тему.

Мне кажется, что у кризиса, переживаемого не только Россией, но — пусть и в других формах — также на Западе, весьма глубокие корни. В мире, где мы обитаем, существует два космоса: один — физический; он, несмотря на ускоряющееся разбегание галактик, достаточно инерционен, и речь пойдет не о нем. Существует иной, ближний нам космос — социальный, который создается людьми, определяющими его аксиомы, законы, траектории движения, принципы устройства, основываясь на господствующем мировоззрении, взглядах на смысл бытия и существования человека. И, время от времени, меняющими их, подчас довольно резко.

Хотя настоящих мировоззренческих революций в истории было крайне мало. Первая произошла, когда человек избавился от рефлекторного мышления, от жизни в вечном полусне, грезах, беспамятстве, сиюминутности, свести воедино картину мира. И когда этот Рубикон был пересечен, возникла новая форма социального бытия. В ее основе — культ памяти и целостности мира, сакрализация обретенного знания, обожествленный календарь и небосвод. И еще страх перед будущим, воспевание прошлого. В аккадском языке слово «будущее» — образовано от корня со значением «*быть позади*», а слово «прошлое» дословно означало «*дни лица/переда*». Здесь понимание прошлого и будущего прямо противоположно нынешнему.

Я долгое время разбирался, почему, и понял: для людей того времени важнейшей ценностью была целостность мироустройства. Причем важно это было до такой степени, что всякий истинный новатор автоматически становился преступником. Правда, порой его удавалось социализировать, создав функцию трикстера, шута, включив тем самым интуиции и прозрения в ткань ролевой игры. Не случайно некоторые фундаментальные изобретения, сделанные в древности, обитают в... игрушках и развлечениях того времени, к примеру, — колесо у инков или формы использования ракет, пороха, бумаги у древних китайцев. Кстати, Вы знаете, почему у многих восточных народов обувь с загнутыми кверху концами? Для того, чтобы не сдвинуть ни один камушек, ибо мир устроен столь совершенно, что в нем нельзя ничего менять.

Понятие сложного и, главное, законченного текста пронизывает культуру того времени, будучи сконцентрировано в двух ключевых образах: лабиринта и мандалы. Выход за их границы и есть будущее, откровение непознанного, истории. Но что такое пограничье? Это однобережный Океан, дикая, бескрайняя степь, источник опасностей, разрушения, гибели. Поэтому будущее воспринималось, как угроза, как мир варварства, недочеловечества. Хотя именно человека как личности в то время не существовало, а была лишь некая социальная функция, как правило, устойчиво передававшаяся по наследству. Социальное время было замкнуто, из него не существовало выхода. Изгнание было одним из худших, если не самым худшим видом наказания.

Однако человек в своей основе все же стремится освободиться от пут природы и паутины племennых связей, от приписанных еще до рождения функций и устойчивых стереотипов, становясь личностью и гражданином. «*Городской воздух делает свободным*» — данный афоризм, пожалуй, даже глубже того смысла, который вкладывался в него на излете Средневековья. На этой основе утверждались индивидуальность, персонализм, субъектность, крепилось обретаемое пространство свободы. Каждый раз освоение нового, отвоеванного человеком исторического «этажа» было расширением социального и метафизического горизонта. На данном пути, называемом историей, можно выделить некоторое число выдающихся свершений, принципиальных *подвѣгов* (именно в такой динамичной форме, скрытой в данном слове), когда человек преодолевает окружающий мир и трансцендирует свое природное естество.

Вернемся, однако, к генеральному сюжету. Следующая мировоззренческая революция получила название «осевого времени». Я прочитываю ее как этап восхождения из болота архаичного бытия, как зарю монотеизма и одновременно как первую волну секуляризации мира. Этот период длился примерно с VIII-VI по II-I век до н.э. Возникавшие формы осмысления мира становились изощреннее, философичнее и в то же время по-своему тяготели к единобожию. Складывался своеобразный, искусственный протомонотеизм, в рамках которого централизуются пантеоны богов, утверждаются их иносказательные, эзотерические толкования, развивается культура богословской и философской рефлексии, категориального мышления в целом.

Не исключено, что это как-то связано с рассеянием десяти израильских племен по миру именно в конце VIII века (людей, уже открывших для себя личного Бога-творца), но доказательств тому нет. Возможно это некое общее прояснение религиозного взгляда — питаемое из различных источников и имевшее в основе разные причины, в частности, учащавшиеся столкновения и взаимодействия развитых религиозных систем — что в свою очередь потребовало дополнительных усилий по осмыслению всего многообразия прозрений и несовпадений. Допустимы также иные, вполне «земные» объяснения: например, причина развития интеллектуализма, зарождение философии, диалектики и логики, осмысление числа, счета кроется в перестройке систем социального управления, в необходимости введения новых административно-политических схем. И, соответственно, — иных категорий, понятий.

Важно, однако, следующее: в этот период произошло, если так можно выразиться, просветленные метафизического горизонта, последовательное обустройство человека на земле: ширилось освоение окружающего пространства, нарастало взаимодействие культур и народов, возникало ощущение духовной, культурной революции, которое существенно преображало прежние формы мышления и бытия.

Перелом истории, по отношению к которому «осевое время» являлось лишь увертюрой, происходит со стремительной экспансией реального, а не «конструктивистского» монотеизма, с историческим переворотом — появлением и утверждением на планете христианской цивилизации.

Колоссальная духовная и ментальная трансформация — понимание Бога как Личности и как Творца, охватывало Ойкумену. Но почему же история получает столь мощное ускорение именно после того, как часть человечества усваивает постулаты монотеизма, вырываясь из прежних, замкнутых пространств истории к ее новому пониманию и впечатляющему перевоплощению? Дело, по видимому, в том, что в своих *онтологических* правах утверждается индивидуальность, персонализм, реализуется осознанная субъектность, самостийность человека, подобного своему Творцу, существа, созданного «по Его образу и подобию». К тому же «творение из ничего» подразумевает иной статус личности, не только способной к получению свободного *дара* «из ничего» и «ни за что», но и к его творческому, произвольному, многогранному воплощению.

В итоге, происходит системная революция сознания, грядет цепная реакция перемен, духовный и ментальный переворот, ускоряется расколдовывание мира, снятие чар традиционалистской культуры и ритуальных заклиний-предписаний с человеческих действий. Ведь когда речь идет об уникальном существе, то присутствует не только свобода личности, но и свобода выбора, свобода поступка, возможность применения безграничных умений и талантов, возникает перспектива развивающейся в пространстве и времени общественной реформации. И даже, забегая вперед, идея создания совершенно иного социального строя, включающего, к примеру, такие инновационные элементы, как, скажем, «экономика расширенного воспроизводства». И параллельно целого «букета» других социальных проектов и конструкций.

Однако из трех ветвей монотеизма: иудаизма, христианства, мусульманства, лишь христианству удалось к началу прошлого века выстроить глобальную цивилизацию. В чем тут дело? Ответы опять же могут быть различны. Но было у христианства одно особое качество, которое заметно отличало его от «кузенов»: это догмат о Боговоплощении. Христианин является весьма амбициозной личностью («*смиряйся, но держайся*»): ведь он дерзает подняться на немислимую высоту — стать по энергиям тем, кем Бог является по субстанции. Но чтобы понять пути, ведущие к этому состоянию, нужно было вначале разобраться, кем же является Бог (отсюда — тринитарное богословие) и каким непростым образом божественное и человеческое сочетается во Христе (здесь истоки христологии). Иначе говоря, понадобилось создать небывалую, нелинейную, антиномийную ментальную культуру, радикально отличную от линейной и механистичной логики прежнего, *античного* мира.

Откуда, кстати, взялось это, столь привычное нам слово? От частицы *anti*, которая означает не только «против», но и «находящееся позади», «предшествующее». Античность — предшествующий, ветхий мир. Новый человек назвал себя *moderni* (ср. «Древнее прошло, теперь все новое» 2 Кор. 5, 17). Слово вновь вошло в моду при гуманистах, на самом пороге Раннего Возрождения опять-таки для обозначения людей новой культуры. Подобным же образом вновь проявилось оно в культурологии, уже на самом пороге XX века.

Так возник новый мир и новые люди, не скованные традиционалистскими, социально-ролевыми запретами, люди, которые своими раскрепощенными энергиями способствовали созданию и утверждению на планете мощной цивилизации.

С течением времени христианская Ойкумена разделилась на западную и восточную части, в каждой из которых развивалась своя версия новой цивилизации.

Запад, после гибели Западной Римской империи погрузился на время в «темные века». Но и тогда в нем прорастали зерна иной цивилизации. Скажем, разбросанные по долам и весям монастыри не слишком часто воспринимаются современным сознанием как островки рождавшейся в первом тысячелетии иной цивилизации. Но именно там, хотя и не везде, собирались старые и создавались новые тексты, обновлялось понимание метафизики и земного мира, развивалось искусство изоощренной мысли и сохранялась письменность, шло обучение грамоте больших и малых, а заодно разрабатывались... агротехнические приемы, совершенствовались другие формы материальной культуры. Монастырь должен был обустроиваться, причем подчас в конфигурациях нестандартной архитектуры, служить коллективным пристанищем, кормить и себя, и паломников. При этом совершать все так, чтобы оставалось необходимое — для более важных дел — свободное время, которое требовалось к тому же тщательно измерять. Так что приходилось довольно многое изобретать, порою вспоминая забытое. В результате появились или были введены в обиход: трехпольная система земледелия, отвальный плуг (с лемехом), конская упряжь (и, прежде всего, — хомут), подковы, упряжка цугом, кривошип, механические часы, кое-какие астрономические приборы. Совсем иную роль в производстве стали играть мельницы...

Исподволь формирующиеся богатство и новизна материальной культуры, ее практическая мощь и социальная генетика, накапливаясь, постепенно подвели общество к колоссальному взрыву. Таковой действительно произошел на рубеже первого и второго тысячелетия. Вначале как зеленая революция, случившаяся в результате развития агротехнических приемов, что привело к увеличению производства продовольствия и росту населения. Далее — крестовые походы, рост городов, формирование бюргерства, новая культура и резко возросший спрос на мыслящее сословие.

Христианство в результате семи Вселенских соборов, т.е. выяснения основных догматических принципов, формулирования и развития, прежде всего, упомянутых ранее тринитарного богословия и христологии, заложило основы новой ментальности, новой культуры, нового общества. (Кстати, сколь парадоксально это ни звучит, ни в каком другом обществе, кроме христианского — постулирующего принципиальную свободу человека, наряду с любовью и творчеством, как одну из своих основополагающих ценностей, — не может быть ни полноценных атеистов, ни развитой секулярной культуры.) Мир, таким образом, оказался на пороге грандиозных перемен. А в некоторых точках земли новое мировоззрение, утверждаясь, кажется, инициировало радикальное обновление культурно-исторических замыслов и проектов.

Одним таким ареалом был Прованс. Именно там зародилась культура *миннэ*, центральным понятием которой была метафизическая любовь, союз душ и сердец. Социальное бытие выстраивалось, «обращалось» вокруг нее (*leys d'amors*). Это было совершенно иное отношение к жизни — глубоко личностное и жертвенное. В дальнейшем, однако, данная культура, ее особая социальная организация (в которой присутствовало, к примеру, возведение человека в рыцарское достоинство за поэтический дар, независимо от сословия), а возможно, и нечто большее — оригинальный исторический проект — подверглись агрессии и погибли, либо деградировали со временем в манихейскую ересь альбигойства.

Другой ареал — Восток Европы, Византия, Восточный Рим, где преимущественно с XI по XIV век — от Симеона Нового Богослова до Григория Паламы — развивалась апофатическая и персоналистичная культура исихазма. Апофатическое — «негативное», а потому личностное, персоналистичное богословие. Восприятие мира как совокупности («умной» сопряженности во времени и пространстве) уникальных людей, вещей и моментов. Человек ничего не может сказать о природе Бога, но он может сказать, чем Бог не является. И постепенно очищая пространство от знакомого, лишнего, суетного, в результате развивающегося колоссального напряжения — не только ментального, но и духовного, сердечного — человек постигал (имел возможность постичь) невыразимую словами истину. Из этого понимания, носящего невербальный характер, проросла *не-модельная* («антиконвейерная») культура, а дальше провиделась возможность реализации некой совершенно иной социальной практики. Однако процесс был прерван падением Византии...

Параллельно свой культурно-исторический проект в те же годы активно реализовывал и «темный двойник» христианства — разноликое и мозаичное гностическое мировоззрение. Об этом я уже говорил и писал ранее...¹

¹ Подробнее см. А.И. Неклесса. *Неопознанная культура. Гностические корни постсовременности* // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. — М.: Наука. 2002, №1. — С. 121-143; А.И. Неклесса. *Трансмутация истории* // Новый мир. М.: 2002, №9. — С. 143-159.

В первые века второго тысячелетия в Европе происходил интеллектуальный подъем, во многом связанный с развитием городской культуры и потребностью в *новых* людях — интеллектуалах: юристах, медиках, магистрах свободных искусств, диалектиках, теологах. В XII веке — возникают многочисленные городские школы, XIII век — век университетов, ментальная культура приобретает более разнообразные и конфликтующие между собой формы, потом появляются гуманисты. Черта под этим миром была проведена, судя по всему, в XV веке — вместе с окончанием Столетней войны, а вскоре и Реконкисты, гибелью Византии (и формированием на северо-востоке Европы Московского царства), открытием Америки и несостоявшимся концом света. Хотя парадоксальным образом эту дату, 1492 год — т.е. год максимального напряжения эсхатологических ожиданий, связанных с 7000-летием от сотворения мира, да и не только, — можно все-таки при желании считать концом, правда, весьма ограниченным и носящим иной характер, Старого Света.

Действительно, затем пришли Реформация, Контрреформация, Тридцатилетняя война и Вестфальский мир — все это уже истоки нашего времени: эпохи Модернити, чьи дни, однако, кажется, теперь сочтены.

Что же касается европейского интеллектуализма, то поле *университетской* культуры наследует приблизительно в XVII веке культура *академическая*. До этого образование, наука рассматривались в основном как форма познания и развития личности, академическая культура придала этой области человеческой деятельности ряд практических, естественнонаучных свойств. Появляются исследовательские корпорации и учреждения: *академии*, к примеру, старейшая Академия Деи Линчеи, знаменитое Королевское общество, французская Академия, где ведутся исследования, как в сфере социогуманитарных дисциплин и проектов (включая, концептуальное планирование республики), так и в значительной мере в области естественных наук, которые явно начинают преобладать, принося очевидную практическую пользу.

К XX веку формируется целая индустрия университетских, промышленных, военных лабораторий, а также прикладных исследовательских институтов. История науки в прошлом веке — отдельный, самостоятельный сюжет. Скажу только, что происходит последовательная прагматизация и редукция *науки открытий* (*radical innovations*) ее последовательное поглощение прикладной деятельностью по производству эффективных решений практических задач. Но и это были лишь истоки более широкого процесса. Со временем пальму первенства перенимает искусство *рационализации*: эффективных и порою масштабных усовершенствований (*progressive innovations*). Одновременно совершается трансформация индустрии знаний в самодостаточную социальную субкультуру — «научное и образовательное сообщество», со своими ритуалами и правилами внутреннего поведения, относящимися далеко не только к исследовательской или образовательной сфере.

Так что тезис о научно-технической революции я считаю одним из самых крупных мифов конца XX столетия.

3.

— *То есть, если я правильно понял, Вы хотите сказать, что в развитии западноевропейской цивилизации имел место некий момент, когда произошла замена творческого взгляда на мир монотонным, по сути, его обустройством?*

— Возвращаясь ко временам исторического перелома, следует, наверное, сказать, что XIII век был столетием не просто бурным (он, кстати, начался с сокрушения Византийской империи, так никогда и не обретшей впоследствии утраченного земного могущества), но и по-своему внутренне противоречивым. Именно тогда произошло столкновение двух противоположных ментальностей, означавшее развилку и выбор грядущего курса цивилизации — будет ли это новый мир, проникнутый персонализмом и антиномийной логикой, либо вновь восторжествует линейная логика античности и механистическое отношение к личности и бытию.

Трагизм эпохи отразился даже в фигуре Фомы Аквинского, столь яростно боровшегося в те годы с альбигойцами, что, кажется, где-то переступил невидимую миру черту. Впрочем, закрыв дверь для разногласий, мы, по сути, прикрываем ее и для постижения истины. Для Европы же это вообще было время интеллектуальных диспутов и битв, время становления автономной, самостоятельной личности. А, в сущности, помимо яркого сюжета с катарами, — время главной битвы: интенсивного диалога с наследием Аристотеля в изложении Ибн-Рушда (аверроизмом), которое и создало основу для торжества линейной логики, а, впоследствии, редукции и стерилизации цивилизации, утраты трудного для человеческой природы живого антиномийного дара. И, в конце концов, ход событий приблизился к онтологическому тупику, «концу истории».

Повествование о том, как антиномийное христианство боролось с упрощенной и линейной логикой античности, в итоге проиграв ей, ждет еще вдумчивого прочтения. Ключевая же проблема спора заключалась в ответе на следующий вопрос: что, собственно говоря, считать критерием истинности?

Аристотель считал, что мир устроен в соответствии с гармонией и логикой; то, что логично, соответствует истине, а истина блага и хороша. Парижские богословы дважды в течение XIII века возвращались к этой теме и фактически объявили ряд положений аристотелизма ересью, т.е. уплощением, искажением истины. Их доводы сводились к следующему: Бог — свободная личность, Он не ограничен ничем, даже логикой. Бог может поступать алогично, его мера — иной сложности, и поэтому измерять истинность логикой, тем более логикой линейной, неверно. *«Можешь ли ты связать узел Хима и разрешить узел Кесиль? Можешь ли выводить созвездия в свое время и вести Ас с ее детьми? Знаешь ли ты уставы неба, можешь ли установить его господство на земле?»* (Иов, 38, 31-33). Но тогда как же можно познавать Бога? Ответ оказался несколько неожиданным: из практики. Мир выше и глубже человеческих представлений о нем. Бог создал этот мир, и, исследуя его, мы узнаем нечто о его Творце. Мы покидаем ставшие привычными иллюзии и познаем неожиданную, а порой и нелепую, нелогичную, по прежним меркам, реальность, «объективную истину». Так, кстати, в XIII веке был заложен краеугольный камень европейской науки — эксперимент.

Интересно, что именно порождение естественных наук, а не социогуманитарных дисциплин — квантовая физика — на пороге XX вполне прочувствовала узлы аристотелевой смирительной рубашки. Истина и человеческие представления о порядке вещей оказались существенно разведены, причем оставаясь в рамках классической методологии и пользуясь привычным, не раз апробированным инструментарием. Впрочем, в социальных и гуманитарных науках к тому времени также образовалась своя «революционная ситуация». Равно как и в обществе. Однако не будем пока забегать вперед.

Итак, аристотелизм, несмотря на решения богословов Парижского университета, одержал со временем историческую победу. Человек больше не желал ощущать себя игрушкой роковых, невнятных, сумрачных сил, прямо отождествляемых с традиционализмом и суевериями. Так пала антиномийная культура на Западе. Но и на Востоке ей не удалось удержаться. Я уже упоминал в сегодняшнем разговоре, что Византия пала, причем в период кризиса материального (это были в сущности лишь остатки великой империи), но в процессе начавшегося культурного, духовного обновления, и исихазм просто не успевал развиваться в емкие культурные и тем более в социальные формы, воплотиться в нормы практики.

Наследником Византии стала Россия, которая в 1480 году стала независимым государством, во многом ведомым идеей продолжения идеалов Византии — приняв на себя бремя преемственности, отстраивания Третьего Рима. Монастыри играли при этом в России значительную и двойную роль: это были культурно-хозяйственные центры, порою идейно и социально скреплявшие огромные пространства. Но одновременно, по словам о. Георгия Флоровского: *«Так же, как в языческой империи, христианство было своего рода “движением сопротивления”, монашество было постоянным “движением” сопротивления в христианском обществе»*, причем — сохраняя и укрепляя специфический строй этого общества, его идеалы и принципиальное целеполагание.

Вскоре, однако, в русском монашестве, да и во всем церковном устройении, возникает конфликт между «иосифлянами» и «нестяжателями», между Иосифом Волоцким и Нилом Сорским. Линия заволжских старцев, тесно связанная с исихазмом, была отодвинута в сторону в пользу иных идеалов, иной практики, иных целей.

О русской истории особенно тяжело говорить — обязательно наступишь на чью-либо мозоль. С чего начинается правление рода Романовых? С публичной казни (повешенья) малыша, сына коронованной патриархом (Игнатием), митрополитами и архиепископами царицы Марины Мнишек (супруги убитого, но законного российского *помазанника*). Ребенок не был наследником и сыном царя Димитрия. Впрочем, не так важно, чей это был сын. Мальчик, которому было несколько лет от роду, понимал, что происходит: когда его везли на виселицу, он плакал. Закончилась династия не менее кровавой развязкой: убийством больного наследника, его сестер и родителей. В династии Романовых редко кто умирал своей смертью: явны убийства Петра III, Павла I, Александра II. А еще — Иоанна Антоновича. И странные обстоятельства смерти практически всех царствовавших представителей дома Романовых по мужской линии.

4.

— А если вопрос поставить в общем виде: что же произошло в XX веке?

— Цивилизационный транзит. Но чтобы войти в пространство XX века, мне нужно сделать три предварительных шага, связывающих тему с предыдущим изложением, Вы же не хотите получить «общие» ответы?

Когда в обществе утверждается прагматизм и устанавливается императив линейной логики, тринитарные коллизии уходят в прошлое, а жизнь становится гораздо практичнее (особенно, если сравнить ее течение, скажем, с легендарными спорами на византийских базарах о природе Троицы, доходящими до мордобития), тогда явственным становится присутствие в мире энергичного агента перемен — торгово-финансового капитализма. У нас часто путают его с рыночной экономикой, но он скорее паразитировал, возрастал на ней. Фернан Бродель определил природу капитализма как частный рынок (*private market*), действующий в среде публичного (*public market*). Другими словами появляется сообщество, которое действует методом долгосрочного планирования и проектирования ситуации (заговора, сговора), продумывает системные операции, в результате которых получает сверхприбыль.

Торгово-финансовая форма капитализма господствовала в Европе где-то с XV по XVIII век. Это первый шаг. Но в то же время происходил другой процесс, который мы оставили за скобками: Реформация и возникновение национального государства. Национальное государство, в конце концов, и забрало себе все лакомые куски: монопольную торговлю, национальное кредитование, выпуск ассигнаций, сбор налогов. Деятельная страта должна была либо погибнуть, либо найти новое пространство деятельности. Она и нашла его в промышленности. Промышленность же находилась в состоянии фантастического инновационного подъема, именно вследствие того, что была порождением христианской культуры: пути традиционализма были разомкнуты, открылись возможности расширенного воспроизводства, что раньше, фактически, находилось под культурным запретом. Во время промышленной революции инновация следовала за инновацией, и капитализм стал вкладывать деньги именно в этот процесс. Это шаг второй.

XX век как раз и начался с небывалого в истории инновационного взрыва. Взлет научно-технической мысли породил электричество, двигатель внутреннего сгорания, нефтехимию, новые материалы, средства коммуникации, а заодно основанную на них индустрию развлечений. Каждое из прозвучавших понятий, словно символ, обозначает собой обширнейшее предметное поле деятельности, «новые земли» экономического космоса. Это был какой-то рог изобилия! После чего мы начали жить в новом мире. Благодаря искусственному освещению изменился ритм жизни, но главное — вещи стали многочисленными и дешевыми. Кроме того, инновационные предметные поля резко расширили сферу производственной деятельности а сверхприбыли золотым дождем омывали не только основные, но и сопряженные предприятия. Долго, однако, так продолжаться не могло. «Бурные двадцатые» воспели это новое изобилие и подвели черту под ним, а заодно и под целой эпохой.

Инновационный взрыв вкупе с конвейерным способом производства, во-первых, сломали прежнюю экономическую систему, испытавшую острый дисбаланс, ибо исчезло привычное соотношение спроса и предложения. В результате обрушившегося на мир материально-технического изобилия были, в частности, подорваны позиции не только производителя, но и такого важного агента экономических операций, как платежеспособные потребители, количество которых стало непропорционально мало по сравнению с открывшимися возможностями производства.

Отсутствие платежеспособного потребителя, несмотря на дешевизну вещей, автоматически вело к кризису перепроизводства, безработице, безденежью и как результат — дальнейшему уменьшению количества платежеспособных потребителей. Так что, во-вторых, быстрыми темпами нарастал дисбаланс между экономической и социальной, экономической и политической структурами. Сздавшаяся головоломка решалась на практике несколькими путями.

В течение всего XX века велся интенсивный поиск иной социальной конструкции (попутно выявивший фундаментальную слабость социальных «наук»). В результате были созданы системы социального обеспечения, встал на ноги средний класс, продумывались и реализовывались также принципиально другие системы распределения материальных ценностей в обществе. Отсюда исходят определенные мотивы и вариации в широком диапазоне: от коммунистической революции в России, фашистской корпоративной революции в Италии (да и дюжине других стран) до «нового курса» в Америке (что точнее было бы перевести как «новые правила игры»).

Другой путь был гораздо сложнее. Модное ныне слово «глобализация», в сущности, применимо уже к ситуации конца XIX века. Еще, если не ошибаюсь, в 1885 году на Берлинском конгрессе

мир был поделен, руководствуясь принципом «эффективного управления» (отсюда — неестественные прямые линии границ, пересекающие и сегодня, скажем, Африку). Глобализация уже была вполне реальной, но специфической, «зональной». Специфика же ее состояла в том, что имперские пространства были окружены тарифными и прочими барьерами. Внешняя торговля развивалась интенсивнейшим образом, отношение ее к уровню производства было превышено лишь в самом конце века, но развивалась она, главным образом, в своих, очерченных таможенными границами и, фактически, запретными для других зонах. Образно говоря, мир напоминал сложенный воедино, но все-таки разрезанный на ломти арбуз. И США как наиболее мощному промышленному государству планеты предстояло эту ситуацию взломать, поскольку только за счет собственных и иных американских потребителей — вспомним о доктрине Монро — решить проблему перепроизводства было невозможно.

На пороге сороковых годов прошлого века, стал активно продвигаться в жизнь принцип свободы торговли — *фритрейдерство* — как практическая цель американской политики. И еще до окончания II мировой войны были заложены организационные основы ряда международных организаций: ООН и ее специализированных учреждений: Международного валютного фонда, Международного банка реконструкции и развития, и, главное, ГАТТ — Генерального соглашения о тарифах и торговле, из которого уже ближе к нашим дням выросла Всемирная торговая организация.

Следующий метод ведет генезис от сжигания зерна в топках и выливания молока в океан — к высокоиндустриальным войнам, поразившим XX век. Ведь производить много возможно только тогда, когда многое можно и уничтожить. А, кроме того, в новой экономике, в принципе, нельзя было создавать слишком долго живущие вещи. Отсюда интенсивное развитие также такой «мягкой формы» деструкции, как мода.

Наконец, проявляется немаловажный «четвертый элемент» — культурный фактор... Чтобы утвердить новый стиль, нужно было взломать коды протестантской этики, которая не допускала того, что являлось императивным для новой экономики: к примеру, избыточное, престижное потребление, понуждающее выбрасывать вещи задолго до их изнашивания. Ведь в рамках протестантской этики одежду следовало носить достаточно скромно, неброско, даже если ты миллионер, нельзя было откровенно сорить деньгами, иначе ты будешь зачислен в разряд шалопаев, парвеню или нуворишей. Так что манера поведения, диктуемая новой ситуацией (избыточное, искусственное, престижное, бьющее в глаза потребление, новые, экзотичные услуги), оказывалась под сенью довольно строгих культурных запретов. Против них началась война, закончившаяся победой и созданием новой социальной общности — общества потребления... Это шаг третий.

И все же, несмотря на форсаж имеющихся возможностей и умелые, но искусственные подпорки, сегодня в ряде стран производительность капитала падает. Она изначально зиждется на создании новых предметных полей, где сравнительно небольшие вложения дают сверхприбыль. В условиях же инновационного спада таких полей в мире существует не так уж много, и находятся они либо в зонах риска, на переднем крае венчурной экономики, либо связаны с теневым бизнесом, либо уже захвачены — раз и навсегда. По ряду отраслей производительность капитала в процветающей Америке упала до уровня конца XIX века, и рост ее практически остановлен с конца 60-х годов прошлого века. 90-е годы были временем надежды на чудо информационной экономики, однако результаты оказались, в целом, мизерными. Но за счет чего же тогда растет ВВП? За счет великолепно отлаженной «штабной экономики», обеспечивающей перераспределения мирового капитала в свою пользу; контроля над финансовыми и ресурсными потоками планеты; квазиренты, собираемой в рамках глобальной геоэкономической конструкции. И еще за счет сверхэксплуатации.

Так мир, лишившись сдерживающего его развитие хозяйственного и демографического баланса традиционного общества, не приобрел, однако, полноты возможностей динамичной, разомкнутой цивилизации, всего многообразия форм адаптации буквально свалившейся на него щедрости, основой чего явились развившиеся таланты нового человечества, преподнесенные обществу личностные дары. Интенсивно использованы они были, пожалуй, лишь в сфере индустриального производства, да и то частично, ибо начали разрушать сложившиеся конструкции, как экономические, так и социальные. Дополнительный парадокс заключался в том, что, пожалуй, основным потребителем человеческих талантов со временем стала индустрия деструкции...

Так, не найдя и не реализовав соответствующую новым экономическим возможностям социальную и культурную оболочку, человечество оказались на распутье.

Перед людьми, на первый взгляд, раскрылись две исторические перспективы. Либо уход в виртуальную неизвестность «воздушно экономики»: форсированное генерирование стоимости и устойчивое снятие квазиренты — своего рода перманентной дани — со всех видов человеческой ак-

тивности (создав, таким образом, своего рода «налоговое ведомство» геоэкономического университета). Либо возврат в новый традиционализм, реализуемый — что, если вдуматься, представляет исторический парадокс — под флагом защиты *«традиционных культурно-нравственных ценностей эпохи Модернити»*.

Итак, «социальная вселенная», человеческий космос, претерпевает в настоящий момент серьезную мутацию. Ее сменяет паллиативная по своей природе глобальная геоэкономическая конструкция, со своим реестром норм и концептов, а инновационные токи, сохранившиеся в основном в виде паллиативных культурных форм, фактически, постепенно заменяются системой охранительных и оптимизационных регуляторов различных сторон жизни и деятельности глобального сообщества.

5.

— *Поэтому все-таки Вы считаете научно-техническую революцию мифом?*

— Частично я уже ответил на этот вопрос. Да, конец XX века был временем усовершенствований, а не открытий. Сдвиги происходят сейчас в основном в социальной, культурной, ментальной и управленческой сфере (в широком смысле этого понятия, вплоть до глобального управления). Структуры же повседневности, в сущности, изменились не столь уж значительно. В качестве доказательства данного тезиса приведу яркий пример из одного фильма.

Американского летчика в 1942 году заморозили в порядке эксперимента и забыли о нем. Через пятьдесят лет ребяташки обнаружили контейнер и вскрыли его. Летчик оказался в 1992 году. Он звонит из телефонной будки, видит автомобили и самолеты, все это несколько другое, но понятное, и, главное, герой фильма вполне ориентируется и дееспособен в новом для себя мире. Это означает, что за пятьдесят лет структуры повседневности принципиально не изменились, они, конечно же, усовершенствовались, рационализировались, но принципиальных перемен не претерпели. А теперь сделаем мысленный эксперимент в обратном направлении: забросим человека из 1892 года в 1942, тоже на пятьдесят лет вперед. Мы получим существо, которое мало что поймет в происходящем и вряд ли окажется в состоянии пользоваться окружающими приборами и механизмами, ибо оно перешагнул через ту самую полосу инновационного взрыва рубежа веков.

Тупик прежней формы цивилизации, мира Модернити, оказался не в сфере техники, экономики или политики, а в сфере мышления, в его выхолащивании. Проблема творческого, нелинейного мышления обретала новую актуальность в наши дни. Она тесно связана с темой интеллектуальной и социальной гегемонии в Новом мире, где операции с нематериальными активами приобретает все большее значение.

Первыми о теме социального переворота на новом языке заговорили Антонио Грамши и представители Франкфуртской школы. Все они находились под впечатлением предугадываемого этапа социальной эволюции, когда знание и интеллект становятся непосредственной производительной силой. Сюжет, однако, оказался посложнее, он связан с системным кризисом буржуазного общества, индустриализма как идеи, с приближающимся крахом прежних структур политической и экономической практики, и даже институтов образования и привычных форм организации исследований: как университетских, так и академических. А также с параллельным взлетом интеллектуально изощренного социального, управленческого и предпринимательского действия, с формированием нового класса — «людей воздуха», «четвертого сословия», теснейшим образом связанных с культурой управления, нематериальным производством и бытием. И подчас тем или иным образом ломавшего прежнего гегемона, буржуазию, что называется, «об колено».

В далеком XIX веке ядерный взрыв в данной сфере произвел Карл Маркс, сконцентрировав его потенциальную мощь в одиннадцатом тезисе о Фейербахе, когда заявил, что интеллектуалы призваны не объяснять мир, а переделывать его. Это была социальная бомба. Она оказалась даже более мощной, нежели, если не ошибаюсь, гегелевское высказывание (или кого-то еще из великих немцев): *«Европейская культура — это виселица, на которой повешены греческие боги»*. Находясь под впечатлением идеи переустройства мира, Грамши, мэтры и последователи Франкфуртской школы задались естественным вопросом: кто же станет главным субъектом перемен? Маркс полагал, что пролетариат. Было, однако, понятно, что не рабы сокрушили Римскую империю, не крестьяне — феодализм, и, вскоре для людей вроде Антонио Грамши стало ясно, что не пролетариату было суждено смести с исторической сцены капитализм. Тогда кому же?

Грамши писал, что истинный гегемон грядущей революции — это интеллектуалы. Они должны пройти культурную и моральную реформацию, организовать системные перемены и возглавить их. К тем же выводам пришли практически все представители Франкфуртской школы, создав синтети-

ческую концепцию марксизма без пролетариата. Позже данным вопросом занимались представители и других организаций: к примеру, один из отцов-основателей Римского клуба Эрих Янч, который в свое время посвятил немало усилий созданию концепции «активного представления будущего», в каких-то своих чертах схожей с тем, о чем мы только что говорили.

Эта же идеология пронизывает революционные акции конца 60-х — начала 70-х годов: красный май в Париже, антивоенное движение в США. Постепенно люди, бегавшие в джинсах, заняли позиции в СМИ, в образовательном истеблишменте, в политике, в финансовой сфере. Американцы, не читавшие Милована Джиласа, назвали их новым классом. Его-то появление на исторической арене и предвидел Грамши, а «франкфуртцы» по-своему создавали: Маркузе ведь был одним из самых читаемых авторов того периода, чьи лекции производили порой взрывное воздействие. Новый класс, определяя свои позиции в обществе (классовое положение), становился системным оператором нематериальных ресурсов, которые постепенно обретают статус основных.

Так что на протяжении XX века к власти шла уже не буржуазия, а новый интеллектуальный класс — и во главе его менеджеры, стратеги, создатели конструкторов будущего мира, его изощренных игр и «смысловых троп», люди, обладающие действенным символическим авторитетом, основанном на иных основаниях, нежели экономические ресурсы. Революция менеджеров (а ранее — торжество номенклатуры, равно как и затянувшийся «пир чиновничества») — лишь один из начальных актов нового действия исторической драмы.

Мир тем временем существенно изменился, и теперь мы воочию наблюдаем новую экономику, основанную на управлении нематериальными активами, новую политику, основанную не столько на идее национального государства, но, скорее, международных регулирующих органов, нелинейных алгоритмах действия и управляемого хаоса.

Теперь на наших глазах возникает целый Новый мир, постигающий и постепенно перемалывающий коренной дефект ригидной ментальной культуры (ее привычную линейность и редукционизм), но стремящийся прагматизировать открывшуюся новизну на основе иной рациональности. Оказалось, однако, что на «контурных картах» (пост)современности, можно прочертить чрезвычайное множество дорог. Прежняя буржуазия, заключив подобие конкордата с новым интеллектуальным классом, продлила свое существование, найдя временный выход в финансовой экономике. Политики выстраивают собственную систему стратегического союза с «людьми воздуха», основанную на рационализации механизмов контроля над множющимися в мире ситуациями неопределенности, на нестратегическом мышлении, базирующемся опять-таки на принципах той самой новой рациональности, описанных в свое время еще Теодором Адорно.

Все происходящее означает, естественно, не только поиск иной формы организации действия, основанного на изменившихся постулатах эффективного знания, на существенно обновленных способах управления и умелых формах активного представления будущего. Новый амбициозный класс действует не просто поверх прежней картографии социального космоса и населяющих его объектов. Это дерзновенная попытка создания собственной социальной среды: казуальной (но не случайной) и виртуальной (но в прежнем, уже порядком подзабытом значении данного многозначного понятия). Я попытался затронуть тему и описать отдельные черты актуального процесса в книге «*Люди воздуха, или кто строит мир?*».

В принципе, в настоящий момент существуют три основные концепции, объясняющие происходящее. После 11 сентября 2001 г. Фрэнсис Фукуяма заявил в одной из статей, что локомотив Модернити несется столь быстро, что сметает все на пути, отсюда кризис, т.е. кризис в том, что модернизация мира резко ускорилась. У многих тезис вызывает серьезные сомнения, хотя бы потому, что вряд ли можно назвать модернизацией происходящее, к примеру, в Ираке или особенно в Афганистане. Другую популярную позицию, объясняющую усиление нестабильности и рост кризисных ситуаций в мире, вроде бы можно подвести под тезис Хантингтона о столкновении цивилизаций (что зачастую и делается). Но и с подобной оценкой трудно согласиться, поскольку на планете фактически господствует одна цивилизация — Модернити, втянувшая в себя прочие известные нам культуры, которые ведут текущие споры, пусть с теми или иными отклонениями, но на едином, внятном для всех языке.

Я полагаю, что истинный оппонент нынешней (современной) цивилизации — этот новый бродильный фермент (пост)современности — некая неопознанная культура, идущая к нам «из будущего», а точнее из глубин нашей истории и подсознания.

Кризис рационализма, даже если это кризис всего лишь одной из его форм, не проходит бесследно. Человечество переживает культурный шок, рождающий свои химеры. Прежняя культура — культура Нового времени, находится в состоянии системного кризиса, причем сложная коллизия

ее институций основана на неосознанном возврате к спорам и аргументам далекого XIII века. Тот же Теодор Адорно писал в «*Негативной диалектике*», что конкретное превосходит общее, иначе говоря, наши модели всегда дефектны, и поэтому с какого-то момента они превращаются в недействительные и разрушительные. Более подробно процесс исследовали и уже более детально описали годы спустя исследователи хаососложности.

Но в то же время — подчеркну еще раз — все это следствия тех самых факторов, потенциальную неистинность (неполноту, ущербность) и соответственно — разрушительность которых предвидели в свое время богословы Парижского университета.

Мир — не состояние, это процесс. Если вы основываете свои действия на социальных моделях, которые всегда приблизительны и зависят от точности измерений, то обязательно окажетесь в ловушке. Еще важнее другое — динамичный и непериодический характер реальности, ее самоорганизующаяся сложность, в которой мы обитаем и действуем. Мир постепенно перестает соответствовать привычным прописям, причем с какого-то момента значительно, и человечество либо начинает его мистифицировать, либо искать утешение в мифологии, поскольку, говоря откровенно, для людей прежней культуры происходящие судьбоносные события все чаще демонстрируют качества анонимности, враждебности а заодно — театральности.

Специфическая ментальность человека Нового времени, основы которой были заложены принятым Европой аристотелизмом и закреплены эпохой Просвещения, уводила человека от великой сложности Вселенной. Проясняя, *просвещая* сознание, сокрушая традиционалистские дебри и языческие кумирни, линейная, причинно-следственная ментальность одновременно воздвигала невидимый забор между реальной, *критической* сложностью мира и, как оказалось, человеческой, слишком человеческой методологией его исследования. А заодно выработанной за столетия и канонизированной, «рабочей» моделью жизни, этой, как сейчас выясняется, «погремушкой» истинного бытия.

С какого-то момента, однако, пространство внутри забора оказалось сплошь затоптанным. Стали множиться противоречия, конфликты. И подросшие люди потянулись заглядывать за ими же выстроенные ограничения в поисках иной формулы рациональности и другого замысла реальности. Все это во многом предопределило казусы, парадоксы науки и вообще экзотику философских, да и социальных метаний XX века.

Гармония природы оказалась более, нежели мелодична или какофонична, выяснилось, что она — иная, что ее истоки лежат вне человеческих мерок и представлений, по крайней мере, характерных для культуры, разившейся за последние несколько веков. Люди же, если выражаться в терминах этой культуры, — «переменные, способные к независимому перемещению», и потому создают неисчислимое поле вероятностей или, говоря другими словами, освобожденный социум являет собой некое подобие «фазового пространства». При этой, кажущейся на первый взгляд непреодолимой неопределенности, человечество, тем не менее, способно к глубокому замыслу, к долгосрочному, масштабному по своим последствиям действию. Так прежняя европейская культура со всеми своими интеллектуальными и социальными производными вступила в полосу великого кризиса, находясь на перекрестке расходящихся троп, сводимых воедино где-то там, вдали, грядущим и неведомым аттрактором.

Понимание более сложного характера окружающей нас реальности, практики и структур повседневности, нараставшее на протяжении всего XX столетия, оказалось все же достаточно неожиданным для просвещенного общества. Сложность новой композиции, жизни на грани хаоса с трудом поддавалась прочтению, либо не поддавалась вообще, в особенности, если исследователь так или иначе продолжал ориентироваться на прежний круг «аксиом».

У нового образа мира, отразившего, словно разбитое зеркало, критичность самой жизни и подлинный динамизм/драматизм бытия, существенно меняется семантика, но практически отсутствует лексика. Хорошая иллюстрация — события 11 сентября 2001 г. Сейчас практически с равной степенью убедительности можно говорить, что теракт провели исламские экстремисты, американские спецслужбы, израильяне, китайцы, европейцы и т.д. И у каждой из подобных точек зрения найдутся свои квалифицированные сторонники. Язык перестает адекватно выражать реальность. Это и означает, что мир вновь становится анонимным. Ибо если на один вопрос у вас находится десяток ответов, чаще всего это означает, что ответа нет вообще. Вы не понимаете, что происходит в мире, а просто *рассуждаете* об этом, ибо рассуждать стало жизненно важной привычкой. Тем временем социальный космос стремительно приближается к состоянию Большого Взрыва, который, возможно, и породит совершенно новую человеческую вселенную.

6.

— У Вас есть какие-то «путеводные нити», сценарии того, как все это происходит, и что еще может с нами произойти?

— Социальная история напоминает мне генетическую структуру, в том смысле, что в ней есть две сопряженные между собой спирали. Одна из них — это инерционная, структурированная история больших человеческих масс и материальной культуры. Поражает, к примеру, что две тысячи лет европейской истории делятся — с определенной внутренней логикой развития и, конечно, долей приближенности — на четыре этапа, продолжительностью по пятьсот лет каждый.

Первый период — поздняя Античность, длившаяся до неоплатоников, до Боэция и Юлиана; переселение народов: германцев, алеманнов, франков, вандалов, ост и вестготов, гуннов, чуть позже — лангобардов; распространение догосударственного христианства, сопровождающегося рождением многообразных ересей, среди которых выделяются эленистическо-иудейский гностицизм и арианство; начало строительства «имперско-симфонической» формулы нового мира. Завершается же этап угасанием Западной Римской империи и постепенным крушением арианских королевств готов, выдвижением на сцену ортодоксальных салических франков, династии Меровингов («семейный» подвиг Клотильды), последовательным возвышением и утверждением Византии, начиная от обустройства ее Константином, кодификацией нового порядка вещей при Феодосии и заканчивая отпадением дохалкидонских восточных (азиатских) церквей, совершившемся уже в следующем периоде, при Юстиниане.

Это был колоссальный перелом: арианство утратило власть над Западом и Востоком (чтобы затем — практически не прерываясь — радикальной версией аномейзма вновь возродится на востоке в виде ислама); теологический конфликт Антиохии и Александрии приводит к появлению сначала несторианской ереси, а затем и более серьезным монофизитским нестроением, буквально разрывающим христианский Восток, результатом чего и становится церковный раскол: отпадение монофизитской Азии и Африки, их уход из основного русла истории. В исторической же Ойкумене доминирует Восточный Рим, чья государственность достигает максимума, будучи юридически закреплена на новых исторических опорах и протянувшись от Персии до Испании, от Карфагена до Равенны.

Но и после походов и побед Велисария и Нарсеса, Византия, даже испытав со временем нашествие ислама, второе пятисотлетие еще сохраняет достаточно могущества и величия, продолжая влиять на западно-европейскую политику, но одновременно все заметнее разворачивается в сторону Азии. Европа же франков — вплоть до недолгого периода «каролингского возрождения» — пребывает, по сути, во власти «кольца нибелунгов»: сумятице, междоусобных столкновениях и дикости «темных веков». В этот же период на краю Ойкумены возникает уже упомянутая ранее динамичная сила: религиозная и мирская — мусульманство и арабы. Мощь которой вскоре ощутила вся римско-христианская Ойкумена: ислам с двух сторон «окольцовывает» прежнюю Европу, сметает христианскую Африку и значительно ослабляет, «сжимает» Восточный Рим. Затем, по прошествии и этих пятисот лет, христианская Европа вновь переживает церковный и культурно-исторический раскол, разделившись на две части: римско-католическую и православную.

В третьем «квинтиуме», теперь уже Западная Европа переживает бурное развитие, она выплескивает в ходе крестовых походов на Восток массу народа (покорив по ходу событий Константинополь, причем, завоевав его на время, — лишает могущества навсегда), внутри же континента разворачивается интенсивная городская, социальная и интеллектуальная революция. В то время место арабов на востоке занимают турки, на западе — норманны, последние, впрочем, перемальваются европейской мельницей, растворяясь в великом тигле истории. Так проходят очередные пятьсот лет, к концу которых Византия окончательно исчезает, Западная же Европа расцветает, обретая силу и мощь, причем ее доминанта — параллельно с эпохой географических открытий — все явственнее смещается из Средиземноморья на Атлантическое побережье.

Граница следующего, четвертого, пятисотлетия опять отмечена церковным расколом: Реформацией, в результате которой возникает динамичный протестантский мир, образуя основу эпохи Модернити. Формируется северо-атлантическая цивилизация, распространившись сначала по обе стороны океана, а затем, фактически, и по всей планете, т.е. происходит глобализация человеческого сообщества. Ныне закончилось, однако, и это пятисотлетие, а мы, возможно, находимся на пороге очередного грандиозного перелома.

Каждое из перечисленных пятисотлетий — «квинтиумов» было ознаменовано появлением, доминированием определенной версии христианской культуры: общинного, соборного христианства самых различных форм и толков, включая влиятельное арианство; единого государственного христианства, отделившего восточные: несторианскую и монофизитские церкви; следовавшее затем

разделение на православную и римско-католическую ветвь, появление и интенсивное развитие протестантизма. У меня нет объяснения этому почти периодическому членению истории христианской цивилизации, я его просто фиксирую как эмпирическую данность, как факт.

Раз нет объяснения, нет и теоретической модели, значит, можно делать только предположения. Первое — возможно, возникнет еще одна, соответствующая общему духу времени, сумевшему сочетать в себе самым парадоксальным образом тенденции массовизации и индивидуации, транснациональная версия христианской культуры «*странников и пришельцев*», для которых «*всякая чужбина отечество и всякое отечество — чужбина*». Другой вариант: христианский мир, как система социально-культурного устройства социума (мировоззренческого обоснования основ его бытия) подходит к концу и возникает некое постхристианское общество, «мир игры», безмерно повышающий ставки по своему оценив риск безумия, смерти и вообще цену бытия. Третье предположение, может показаться чересчур экстравагантным: не исключено, что в мире энергично возрождается «новая религия», а на деле вполне определенная, хотя и крайне эклектичная, мозаичная, многоликая древняя культура. Она — вечный спутник христианства, его «темный двойник», гностическая традиция, т.е. вышеупомянутую неопознанную культуру постсовременности на самом деле я опознаю как возрождение гностицизма. Возможен и четвертый вариант — все вышеперечисленные тенденции реализуются одновременно в виде эклектичного «социального коктейля», который ставит мир и жизнь ни во что.

В чем, однако же, «уголек»? Гностическая культура в принципе отрицательно относится к жизни как таковой и рассматривает акт уничтожения земной жизни как освобождение. Ее метафизика сводится к массовым убийствам и тотальной деструкции, поскольку люди содержат в себе божественные искры, которые могут-де быть освобождены лишь посредством уничтожения тел. Покойный папа Иоанн Павел II в 1995 году в своей энциклике «*Евангелие жизни*», употребил и обосновал понятие «культуры смерти». Сейчас, однако, это понятие приобретает гораздо более широкий и зловещий смысл. Так что гипотетичную (пост)современную культуру смерти я толкую, как постепенную формализацию, социализацию и реализацию иерархии ценностей, имеющую конечной целью системную деструкцию, разработку и проведение высокоэффективных действий, направленных на уничтожение человека.

Речь может идти о социальных нормах, в чем-то подобным тем, которые складываются уже сейчас, на основе признания легитимности эвтаназии; абортов с ползучим повышением возраста плода (хотя есть несомненные данные, что это уже мыслящие существа); поддержке гомосексуализма, по определению ведущего к падению рождаемости; социальном геноциде и стерилизации по социальным параметрам. Уместно вспомнить и участвовавшие упоминания о биоэкспериментах и соответствующих технологиях, могущих иметь следствием сокращение жизни на Земле (в частности, в восточноазиатском регионе). О технологиях, создаваемых как в рамках армии и спецслужб, так и вышедших за пределы государственного контроля и разрабатываемых в недрах новых социальных организмов, соответствующей направленности. Наконец, упомяну в этом контексте и «новый терроризм», чтобы под этим ни подразумевалось, теоретически способный продемонстрировать свою деструктивную эффективность на совершенно ином уровне.

Все это, ставшие привычными за последние годы и десятилетия темы и опасения. Однако у культуры смерти есть и более глубокий аспект (частично я разбираю его в статье «*Культура смерти*», опубликованной в №1 журнала «*Интеллектуальная Россия*» с.г.), который не просто переворачивает иерархию ценностей, но прямо выворачивает наизнанку привычную для человека карьерную траекторию: «...я не могу ничем так послужить своему любимому делу, как своей смертью за него, и в смерти я свершу больше, чем за всю свою жизнь», — это слова не современного шахида, а Джо Бруна, «*чье тело в земле, а дух — на небесах*».

И даже еще глубже, переходя в метафизические измерения бытия: «*дайте мне стать пищей зверей. В полной жизни выражаю я свое горячее желание смерти... Мои земные страсти распяты, и живая вода, струящаяся во мне говорит: приди ко Отцу. Я не хочу больше жить этой земной жизнью*». Здесь битва разворачивается уже в иной среде, в ней участвуют люди иной природы, равно отвергающие мир, но порой преследующие при этом диаметрально противоположные — как противоположны любовь и ненависть — цели.

Для большинства карьера — это комфорт, деньги, власть, что укладываются, в общем-то, в конструктивные формы существования. В культуре же смерти, вершина карьеры — амбициозная смерть, потенциально с невиданными прежде последствиями, в сравнении с которыми Всемирный торговый центр, Пентагон, Капитолий показались бы просто разбитыми елочными игрушками. И это не геростратова амбиция, она основана на совершенно другом чувстве и не требует ярмарочного признания во внешнем мире.

Если общественная страсть, лежащая в основании современного мира, т.е. безудержная человеческая энергичность, бессознательное влечение к социальному творчеству, стремление к культуртрегерству и мессианизму той или иной версии «*симфонии для всех жителей планеты*» покинули душу цивилизации, пропитавшейся стремлением к индивидуальному комфорту и личной безопасности. Если «духи рынка» оставили ее загнивать, постепенно превращающуюся в тотальное корыто всеобщего, всеядного потребления и «райский хутор» коммерческого расчета, это еще не значит, что страсть вообще покинула землю.

Страсть не погибает: падение одних служит наглядным уроком для других, вызывая одновременно и сострадание, и презрение. Пройдя сквозь регресс и перерождение, страсть обретает иные формы своего выражения (ср. «Бойцовский клуб» или «Королевская битва II»). Новая земля творится сегодня не небом, и «ночь творения» исходит из очагов хаоса, этих бездонных глубин отчуждения, отчасти уже познанных и признанных человеком.

Теперь уже не только добровольная жертва служит метафизическим оправданием смерти. Из перманентной отверженности, ненужности, отчаяния возникают заповедники совершенно новой породы, отмеченные трупными пятнами на окропленной слезами, потом и кровью земле. И почва «территорий смерти» тоже иная — она из суммы горстей праха, зажатых в кулаках преждевременных агоний и миллионных конвульсий. И сама субстанция темной страсти — это не только безнадежная ярость стирающихся из коллективной памяти населения глобальных фавелл и гарлемов. И не только суммарное зло нищеты, междоусобиц, войн, циничного презренья к достоинству человека, когда-то познанному и признанному цивилизацией.

Возникающая в различных точках земли новая порода людей и яростная природа их страсти — заря иного мира, озаренного темным светилом и согласившегося воспеть «гимн Чуме», восславить деструкцию как основную, конечную, желанную цель творения. Подобная метафизика — за пределами нашего тварного космоса, она соткалась в черных провалах «Вселенной смерти», поэтически — хотя и с тайным ужасом, требующим невообразимого жертвоприношения, — воспетых Лефевром. И эта (полу)скрытая поэтика мира тотальной, универсальной деструкции, уже сейчас посылает нам своих перепоясанных смертью вестников.

Однако, предшествуя драматичному образу вздернутого на дыбу сообщества, флюиды мира раскованного Прометея проявляются в других, быть может, менее колоритных, ползучих формах трансформации практики. Войдя в резонанс со временем, они волнуют, возмущают, модифицируют социальную среду, меняя ее установления, институты, привычные коды и траектории действия. В (пост)современном космосе возникает поколение организованностей, которое я называю *амбициозными корпорациями*. Это «пучки амбиций» конкретных личностей, симпатизирующих друг другу и взаимодействующих на путях достижения некой сфокусированной цели. Причем цели, которые они ставят перед собой, далеко не исчерпываемые экономическими параметрами, речь идет о горизонтах трансэкономических систем.

В данной культурно-политической смеси метафизического экстремизма и гротескного реализма все чаще добавляется ценностный компонент, который может исходить как из традиционных религий, так и из чрева нетрадиционных сект, либо напрямую из эклектичного парагностического источника. Национальные корпорации, еще недавно чувствовавшие себя полноценными хозяевами на площадках национальных государств, поколебались и надломились. Из щебня и обломков квазинациональных элит складываются иные, транснациональные конstellляции астероидных групп, смертельно ранящих планетарные тела, подобно изгоям глобальных Помпей либо Трои, устремленных в подернутую дымкой неизвестность, поскольку так или иначе они уже пережили неустойчивость родной почвы и отделение от своих прежних «планет».

Одновременно в мире складывается нелинейная и динамичная система управления, частично уже принятая к исполнению, хотя основана она на не вполне познанных принципах и вовсе неизвестных, по крайней мере, публике, ценностных иерархиях, сгущаясь и нависая над мозаичным сообществом национальных государств. Мы наблюдаем сияние отдельных звезд и созвездий — этих «статичных» элементов меняющегося положения вещей — в виде, скажем, разноликих международных регулирующих органов, но это лишь часть картины, прорывающаяся сквозь приближающиеся тучи пепла.

Впрочем, национальные государства очевидным образом сохраняются, однако их исключительное прежде положение и полноценная релевантность социальной практике уже частично подорвана, а местами — парализована. Этаж за этажом над прежними субъектами международных отношений выстраивается другой мир: вселенский Олимп и турбулентная среда Новой Лапутании, Трои, Карфагена, — на летучих островах которой прежние, признанные уходящей эпохой игроки

заклучают все более странные сделки, формируют экзотичные альянсы и союзы. Что же касается игроков новых, то, поскольку какая-то особая заинтересованность в социальном позиционировании у них нередко просто отсутствует, они так и остаются анонимными, неопознанными субъектами действия.

В дополнение к образу начертанной на рушащихся стенах современности огненной скорописи «мене, текел, упарсим» хочу добавить только одну тезу. Все вышесказанное в лучах обыденности выглядит гротескной алармистской страшилкой, почти карикатурой. Обыденность, привычный ход вещей, структуры повседневности, здравый смысл, конвенциональность — все это очевидные барьеры на пути рвущихся из бездны сил и заодно возможности лицезреть их чужеродный, незнакомый облик. Несколько ранее я говорил, что история чем-то напоминает структуру гена, ибо у нее две составляющие. Об инерционности масс и культур уже шла речь, но разговор велся и о том, что в мире существует такой феномен, как свободная личность, рискующая заглядывать в свое подсознание, исследовать собственную природу. Причем личность эта владеет в наши дни необыкновенным инструментарием — организационным, инфраструктурным, финансовым, техническим, технологическим — которым человек не обладал никогда прежде в истории.

Сегодня, как и раньше, люди разных пород и различной природы могут формулировать — на той или другой основе — долгосрочные амбициозные проекты, искать симпатизантов, источники ресурсов, реализуя намеченные цели. Однако теперь у них определенно есть не только всегда доступный человеку шанс, но также уникальные, эффективные, остро отточенные инструменты...

Я думаю четвертое сословие все же чем-то сродни первому: и как его продолжение, ветвь, и как карикатура, извращение. Конечно, речь идет о крайних, пограничных позициях, то есть обо всей сословной рамке.

Я думаю также, что в новом интеллектуальном классе заложено в зародыше нечто большее, нежели «основное противоречие наступающей эпохи», хотя и это тоже. Иначе, откуда родиться простому как «да» и «нет», как «черное» и «белое», такому *житейскому* классовому конфликту, привычно вдохновляющему социальные проекты сообщества? Причем с обеих сторон. Но есть в этой дилемме бытия — всегда ощущаемой, однако различным образом толкуемой человеческой дихотомии — и нечто большее: здесь кончается долина и начинается предгорье, тут обретаются и предел падения, и вершина восхождения, и даже возможность возвеличивания человечества.

Это два крайних состояния души и *догадывающегося* интеллекта, а иначе сказать две породы (природы) нового класса — его основная внутренняя коллизия, источник разделения, исторический, или уже метафизический, движитель. Они столкнутся, в конечном счете, продвигаемые своим основным инстинктом и прочувствованным эсхатологическим нетерпением, связанные последним конфликтом истории, обрушив преграду перед вожаемой, желанной целью каждой из сторон. Исход конфликта определит судьбу человечества, но не в смысле его будущности, а как пробу на благородство металла, брошенного на миг в чан с царской водкой, чтобы выявить затем в некотором, прошедшем сквозь горнило остатке, весомость и смысл всего прожитого бытия, его главную, тайную страсть или любовь.

7.

— *И в заключение я хотел бы обратиться к России, какой Вы видите ее судьбу в новой мировой ситуации?*

— Россия в настоящее время является не субъектом, а скорее объектом в системе мировых связей, причем — что создает дополнительные сложности — объектом сразу нескольких стратегических проектных комплексов, включая закрытые. Этот аспект проблемы, пожалуй, даже более соответствует поднятой теме, нежели прямо поставленный Вами вопрос. Однако картография данной сферы вряд ли может быть прочерчена двумя-тремя линейными векторами стратегий: (пост)современное политическое поле напоминает мне, скорее, ломберный или, так сказать, «покерный» стол, нежели классическую шахматную доску.

Более-менее на виду, естественно, американский проект, который, в частности, выстраивает *другую*, «дополнительную» Европу как противовес прежней континентальной конструкции — территории давно обдумываемых политических замыслов и интриг, т.е. в качестве действенного рычага для атлантической, проамериканской, ориентации Евросоюза. Иначе говоря, есть Европа, которую мы понимаем как континент «*поросших мхом каменных плит истории*», чья целостность возродилась одновременно с муками объединения Германии (что было далеко не всем по душе), и несколько версий будущего Евросоюза. Сейчас — частично в рамках Евросоюза, этого потенциально-

го глобального конкурента американскому мессианизму (одна из возможных версий), — складывается специфическая «Европа-2», конструируемая на основе Балтии, Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. Объективно она размывает границы и целостность Евросоюза, становясь весомым противовесом намечавшимся ранее конфигурациям и замыслам европейской элиты. Которая оказывается, таким образом, в ситуации цугцванга: либо отказа от сложившегося образа Евросоюза, либо его коренной реконструкции, на что, конечно же, как минимум, уйдет драгоценное время.

Другими словами, сегодня, как и в период холодной войны — хотя и на иной основе — на континенте складываются две различные ипостаси европейского концерта, кажется, постепенно приходящего в замешательство.

Постсоветское пространство и Россия-РФ постепенно вписываются в этот генеральный проект. Вопрос, правда, в том, каким образом они туда вписываются: вместе и в то же время раздельно. То есть поток «бархатных» революций, формирующий карту *другой Европы*, — по сути, образования проамериканского — прочерчивает, в конечном счете, свой вектор непосредственно до Китая. В рамках данного проекта американцы не заинтересованы в распаде России-РФ, но при условии признанного, устойчивого отмежевания от постсоветского мира, а также ее определенной «стилистической» реконструкции.

В многомерном — скорее многомерном, нежели многополярном — политическом контексте присутствует и европейский (западноевропейский) замысел с обновляемыми темами и вариациями на предмет стратегических/конъюнктурных союзников, не всегда, правда, выставляемых напоказ. Под эгидой коалиции с «кузеном», на поверхности кажущейся довольно пресной, глубины атлантического сотрудничества-соперничества сплошь усеяны острыми подводными рифами. Но помимо хитросплетений этой подковерной борьбы, существуют также иные направления, включая рассматривавшуюся в свое время возможность, причем сразу в нескольких проекциях, союза с Россией. Или особые отношения с миром ислама, либо более изоциренный, но одновременно прагматичный вариант — система стратегических координаций и далеко уходящих связей с объемной мусульманской диаспорой.

Кроме того, мы подчас забываем о социальной и политической онтологии, столь различной даже внутри на первый взгляд генетически близких миров. У тех же Соединенных Штатов принципы перманентной революции, строительства нового мирового порядка, мессианизм заложены в основах их политической и правовой культуры. Образно говоря, американская культура, в отличие от европейской, склонна питаться не столько токами прошлого, сколько энергиями будущего. *«Наша страна со всеми ее институтами принадлежит народу, населяющему ее. Если народу надоеет существующее правительство, он может воспользоваться своим конституционным правом и изменить его политику, или использовать свое революционное право, чтобы заменить часть министров, или даже полностью сместить правительство»*, — слова эти принадлежат главе государства: американскому президенту Аврааму Линкольну.

Именно на подобной философии строится сейчас Америкой идейный и политический каркас *«глобальной демократической революции»*, включающий тезис о естественном праве народов на свержение тираний. Сегодняшние «бархатные революции» на этом фоне смотрятся как разведка боем обширного политического и исторического замысла. Схожие принципы, кстати, не менее четко прописаны в «Декларации независимости США»: *«...когда длинный ряд злоупотреблений и насилий... свидетельствует о коварном замысле вынудить народ смириться с неограниченным деспотизмом, свержение такого правительства и создание новых гарантий безопасности на будущее становится правом и обязанностью народа»*.

Вудро Вильсон, американский президент-провидец, еще в начале прошлого столетия открыто провозглашал пришествие (причем, не вполне добровольное) нового мирового порядка: *«Нынешний век... является веком, отвергающим стандарты национального эгоизма, ранее правившего сообществами наций, и требует, чтобы они дали дорогу новому порядку вещей...»* Он обозначал цели мировой политики в выражениях, которые звучат для нас, современников Ирака, Афганистана, Балкан и всевозможных «разноцветных революций», вполне привычно и даже слегка банально. Но эти же слова в свое время потрясли и шокировали современников. Так, 4 июля 1918 года Вильсон призвал к *«уничтожению любой деспотической державы, где бы та ни находилась, которая могла бы самостоятельно, тайно и по собственному усмотрению нарушать мир во всем мире, а если таковая в настоящее время не может быть уничтожена, то она, по крайней мере, должна быть приведена в состояние полнейшего бессилия»*. И еще один знаменательный его тезис: *«Мы не ограничиваем нашу горячую при-*

верженность принципам личной свободы и беспрепятственного развития лишь теми событиями и переменами в международных делах, которые имеют отношение исключительно к нам. Мы испытываем эти чувства всегда, когда имеется народ, пытающийся пройти по трудному пути независимости и справедливости».

Другое проектное древо по-своему альтернативно предыдущему. Китай — рассчитывающий максимально использовать исторический шанс своего слабо сдерживаемого извне роста (что уже проявилось в, практически, беспрепятственной реализации программы стратегического ядерного вооружения страны) — в настоящий момент озабочен скорее энергетической, нежели глобалистской проблематикой. Обретая высокотехнологичную экономику, КНР остается промышленно-индустриальной державой: новая «промышленная мастерская мира» в не столь уж отдаленном будущем (по оценкам специалистов — к 2030 году) может стать основным потребителем энергетического топлива планеты.

Пекин, однако же, серьезно опасается «энергетической гипоксии», которая, действительно, хотя пока и в косвенных формах, постепенно реализуется. Это быстро растущие цены на нефть, политическая проблематичность выстраиваемых и планируемых нефтегазовых цепочек (как морских, так и сухопутных), трудности, испытываемые при строительстве уже согласованных нефтепроводов, ведущие к возможности разрывов в сроках стратегических поставок, т.е. к нарушению энергоиндустриальной гармонии развития...

Помните, как раз перед посадкой Ходорковского шел спор о конечном пункте российского нефтепровода — Дацин или Находка? ЮКОС, в то время монополюльно поставлявший российскую нефть в КНР, выступал за китайское направление. Сейчас проблемы возникают и вокруг казахской «нитки» Восточного нефтепровода, которую тянут на Китай. В ответ КНР, несмотря на неудачи, наподобие попытки покупки «Славнефти», старается диверсифицировать географию своей зарубежной нефтяной собственности (от Сахалина и Индонезии до Казахстана и США), отдавая, при этом, явное преимущество близко расположенным странам и месторождениям. Китай одновременно создает тридцать атомных энергоблоков мощностью по гигаватту каждый, планирует вложить несколько сот миллиардов долларов в гидро-электроэнергетику. Так Пекин последовательно выстраивает собственную долгосрочную стратегию, но действовать при этом старается в «мягкой стилистике».

Так что в нынешних обстоятельствах, наверное, нужно говорить не столько о российской политике в отношении Китая, а о масштабных планах КНР по обустройству своей политической и стратегической безопасности. Сейчас, кстати говоря, страна установила хорошие отношения с Индией, урегулировав ряд серьезных приграничных проблем. (Но и у Индии, отмечу для полноты картины, есть собственные, совершенно иные версии стратегического партнерства.) Определенная группа российской элиты ориентируется на китайское направление, рассчитывая на определенные гарантии, прежде всего, своим финансовым капиталам. Кроме того, Восточная Сибирь и Дальний Восток через некоторое время могут стать не вполне жизнеспособными, их надо кем-то заселять. Скорее всего, заселять будут через китайские иммиграционные пункты, и тогда в Россию переместится некоторая часть китайского образованного класса. Возникает вариант внутреннего разделения экономического и социального пространства страны на два макрорегиона, питаемых из различных источников и населенных разными культурными и этническими группами.

Следующий круг сценариев, сплетает нити предыдущих проектов вокруг пространств Центральной Азии и Синьцзян-Уйгурского направления. Наверное, следует упомянуть также о проблеме Поволжья и Южного Урала, о стратегических аранжировках гипотетического российского коридора Юг-Север в его различных версиях. Кроме того, для Америки было бы соблазнительным использовать исламский и российский вектора, чтобы в той или иной форме окружить и потеснить стратегического оппонента — Китай. Но с другой стороны, возможно и парадоксальное на первый взгляд прагматичное сотрудничество Китая и ислама оппозиционное по отношению к сложившейся формуле мирового истеблишмента. И, быть может, кажущийся еще более парадоксальным вариант — стратегическое взаимодействие Соединенных Штатов и КНР. Или Евросоюза и Китая против «глобального, неважно пещерного или высокоиндустриального, варварства». К тому же сама Америка давно не едина, ее элита в значительной мере расколота, а будущее связано с серьезными социальными, демографическими изменениями.

Однако подобные рассуждения, хотя и с определенными оговорками, основываются на доминировании в (пост)современном мире таких субъектов как национальные государства (элиты, проекты) или их коалиции. При этом за рамкой рассмотрения остаются уже не раз, хотя и вскользь, упомянутые в ходе разговора, но, пожалуй, не ставшие от этого более вытнтыми влиятельные орга-

низованности старых глобальных и новых, транснациональных, только нарождающихся «диаспор», а также других динамичных, а то и напрямую связанных со сценариями управляемого и *управляющего* хаоса, масштабных корпораций и кланов...

Подобная, находящаяся в становлении система мониторинга и контроля над глобальными процессами строится на заметно иной управленческой платформе и реализуется другими группами властной координации, нежели публичные политики и национальные корпорации. Здесь много общего с затронутыми ранее темами восстания элит, трофейной экономики, территорий смерти, органичной связи квазистабильности одних регионов и режима управляемого хаоса в других. Здесь же истоки основного исторического конфликта XXI века: между силовыми возможностями *бегемота с совестью* и управленческим могуществом *левиафана глобализации*, конфликт за гегемонию между «змеей» и «волком».

Иначе говоря, рядом с более-менее традиционными и внятными проектными комплексами, проступает тень нового, глобального оппонента прежнего акта исторической драмы, нависающая над цивилизацией, корректируя в ходе спонтанных и организуемых турбулентностей реализацию основными игроками «длинных сюжетов».

Все это — тот кипящий бульон, в котором варится современная Россия. Но в критический момент своей истории страна оказалась лишена не только политической субъектности. Нет у нее в XXI веке ни долгосрочного политического замысла (лишь колоссальное «лернейское» болото разнообразных, противоречивых интриг), ни реальных центров стратегического планирования — силы ушли в основном на «стратегические игры» с региональными и иными элитами — ни соответствующих компетентных кадров. Политические институты вырождаются. Партийные превратились в род шоу бизнеса — ожившую карикатуру на прежние замыслы и идеалы.

И что, может быть, даже важнее: нет у России-РФ своего внятного, адекватного времени, ни национального, ни имперского, ни иного, устремленного в будущее либо трезво оценивающего настоящее языка. Лишь ставшие нормой дежурные, картонные фразы, канцеляризм, нечленораздельность, вызывающая хохот, меняющиеся на ходу «благие намерения», демагогия, болтовня, кривляние (как сказал бы Достоевский *«познавшее и принявшее мир братство во грехе, пороке и убожестве»*), поскольку у люмпен-элиты напрочь отсутствует неременная основа связной, заставляющей затихать зал и вызывать подъем чувств государственной речи — политическая философия, мировоззрение, нравственное чувство, метафизика.

8.

— *Получается, что в любом случае Россию ожидает растворение?*

— Я приведу несколько резких высказываний последнего времени. Одна влиятельная английская дама как-то сказала: *«Россия умерла, и с этим фактом необходимо считаться»*. Другой американский деятель несколько лет назад заявил: *«Пришла пора подумать о мире без России»*. Впрочем, еще славянофилы и близкие к ним по духу мыслители говорили, что мир без России вполне возможен, будущность страны никем не гарантирована, кроме людей, ее населяющих, так что в один не слишком прекрасный день Россия может превратиться *«в жалкую часть какой-нибудь серой, безбожной и бездушной федеральной мерзости»*.

Знаете, при всех маразмах советской системы примитивные и маловнятные выступления партийного генсека начинались с раздела *«О стратегическом положении страны в мире»* или чего-то подобного. Сегодня стратегическими задачами России стали в основном «догонялки» Португалии и удвоение ВВП, что по-своему напоминает те же «социалистические обязательства». Правда в последнее время вопрос о Португалии, кажется, закрыли. Наверное, заканчивать беседу придется все же тем, с чего начинался разговор: с проблемы интеллектуальной и моральной реформации правящего класса. Насколько это реально — судите сами.

май 2005 г.

Интервью провел Сергей Шаповал.

Сокращенная версия интервью

опубликована в журнале

«Политический класс» №5. 2005 г.

PERSONALIA

Александр Иванович Неклесса. Руководитель Группы ИНТЕЛПРОС и клуба «Красная площадь». Заместитель генерального директора НП Институт экономических стратегий (ИНЭС). Заведующий Лабораторией геоэкономического анализа и проблем социального развития ИАФРАН. Член Экспертного Совета по проблемам инновационной политики и развития человеческого потенциала при Совете Федерации ФС РФ.

Ранее возглавлял Синергетическую лабораторию НПО «СИНЛА», работал главным специалистом МВЭС РФ, управляющим в Службе стратегического анализа МАПО «МИГ», экспертом-консультантом Директората стратегического планирования ВПК МАПО, советником агентства «СОКРАТ».

Автор приблизительно 300 публикаций по вопросам международных отношений, политологии, экономики, истории. Более 30 лет проработал в системе Российской Академии наук. Член Бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН, председатель Комиссии по социокультурным проблемам глобализации. Действительный член Философско-Экономического Ученого Собрания МГУ им. М.В. Ломоносова.

Основные направления исследований: 23.00.04 — политические проблемы международных отношений и тенденции глобального развития; геоэкономика; стратегический анализ и планирование; философия истории.